304(47)
6435

О ВЕЛИКОЙ ЛЖИ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

К. П. Побѣдоносцевъ и князь
В. П. Мещерскій.

Критическій этюдъ.

Л. Слонимскаго.

Изданіе
„Политической Энциклопедіи".

С.-Петербургъ.
1908.

2-й экз.

„Пре 38“

1143
27

К. П. Побѣдоносцевъ.

I.

Одинъ изъ самыхъ сладострастныхъ обожателей власти, Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ былъ наиболѣе яркимъ воплощеніемъ политическаго ханжества, господствовавшаго въ правящихъ кругахъ русскаго общества въ послѣднее двадцатилѣтіе прошлаго вѣка.

Обладая тонкимъ, ядовитымъ, мертвящимъ умомъ и обширнымъ, хотя и одностороннимъ, образованіемъ, онъ не довольствовался ролью могущественнаго сановника, а пытался проводить свои взгляды въ печати, въ переводныхъ и оригинальныхъ работахъ [1], какъ и въ публицисти-

---

[1] Кромѣ извѣстнаго „Курса гражданскаго права“ въ трехъ томахъ, К. П. Побѣдоносцевымъ изданы въ разное время слѣдующія книги: 1) Нето-

ческихъ статьяхъ, собранныхъ впослѣдствіи въ книгу подъ названіемъ „Московскаго Сборника“.

Въ этомъ сборникѣ онъ касается важнѣйшихъ вопросовъ нашей государственной и общественной жизни:—объ основахъ правительственнаго авторитета, о власти и законности, о церкви и народномъ просвѣщеніи, объ общественныхъ и личныхъ правахъ, о печати и судѣ при-

рическія изслѣдованія и статьи Спб, 1876. — 2) О подражаніи Христу, Ѳомы Кемпійскаго Новый переводъ съ латинскаго, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. Изд. 6-ое, 1895 —3) Приключенія чешскаго дворянина Вратислава въ Константинополѣ и въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ 1591 г. Переводъ съ чешскаго, Спб, 1877 —4) Сѣверные цвѣты Выборъ изъ стихотворенія А. С. Пушкина Спб., 1888 — 5) Праздники Господни Спб, 1894 —6) Побѣда, побѣдившая міръ Изд. 6-ое. М. 1896.—7) Вѣчная память Воспоминанія о почившихъ М., 1896 — 8) Основная конституція (?!) человѣческаго рода. Соч. Ле Плэ. Съ очеркомъ жизни и дѣятельности автора М, 1897 —Любопытно, что, будучи непримиримымъ врагомъ всякихъ вообще конституцій, К. П. Побѣдоносцевъ, безъ особенной надобности, употребилъ это запретное слово при переводѣ заглавія книги Ле-Плэ: „Constitution essentielle de l'humanite“ („Существенный строй человѣчества“)

сяжныхъ. Онъ ясно и рѣзко формулировалъ здѣсь то, что другимъ рисовалось лишь въ туманныхъ очертаніяхъ и что безотчетно примѣнялось на практикѣ такъ называемыми государственными дѣятелями царствованія императора Александра III. Главной задачей книги является обличеніе „иноземной лжи“, проникшей въ русское общество въ видѣ либеральныхъ и просвѣтительныхъ идей; но, дѣлая свои выводы въ назиданіе отечественнымъ патріотамъ, авторъ невольно разоблачаетъ всю пустоту и лживость своего собственнаго политическаго міросозерцанія.

Руководящія политическія идеи К. П. Побѣдоносцева очень просты; онѣ могутъ быть выражены въ слѣдующихъ основныхъ положеніяхъ, которыя, впрочемъ, иногда оспариваются имъ на словахъ, для отвода глазъ:

Власть дана правительству для власти; она—сама для себя цѣль. Она дѣйствуетъ исключительно по своимъ собственнымъ внушеніямъ и соображеніямъ, не справляясь съ интересами и желаніями народа. Высказывать какія-либо сужденія о государственныхъ дѣлахъ могутъ только лица, специально къ тому призванныя и уполно-

моченныя властью, дѣло простыхъ обывателей—смиренно молчать и благоговѣйно подчиняться указаніямъ свыше.

Лучшій государственный строй—тотъ, который обезпечиваетъ ему, Побѣдоносцеву, преобладающее вліяніе въ государствѣ и позволяетъ солидарнымъ съ нимъ сановникамъ спокойно и безконтрольно пользоваться всѣми благами неограниченной власти и принудительнаго авторитета. Поэтому—внѣ самодержавія нѣтъ спасенія для Россіи.

Все, что мѣшаетъ правителямъ спокойно наслаждаться властью, что тревожитъ ихъ совѣсть и затрудняетъ ихъ положеніе, есть зло, подлежащее тщательному устраненію и истребленію, а все, ограждающее свободу дѣйствій и безотвѣтственность бюрократіи, есть благо. Поэтому мысль о народной и общественной пользѣ—опасная ересь; мечты о свободѣ, о правовомъ порядкѣ, о господствѣ строгой законности, объ общественномъ контролѣ,—обманчивы и зловредны; надежды на народное представительство—ложны и преступны. Истина есть то, что полезно и удобно для носителей власти; ложь—все то, что для нихъ стѣснительно или непріятно.

Таковы истинно-русскія историческія начала, которыхъ неизмѣнно придерживался К. П. Побѣдоносцевъ Понятіе о правѣ онъ допускалъ только въ области гражданскихъ отношеній; самое слово „правовой“ раздражало его, и онъ тщетно старался изгнать его изъ употребленія, доказывая его непригодность и неблагозвучность въ предисловіи къ своему „Курсу“.

Когда появился „Московскій Сборникъ“, положеніе русской печати исключало возможность серьезной критики взглядовъ такого вліятельнаго сановника, какъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода. Услужливые газетные и журнальные публицисты наперерывъ другъ передъ другомъ восхваляли государственную мудрость автора, и въ одномъ только „Вѣстникѣ Европы“ былъ напечатанъ критическій разборъ самоувѣренныхъ разсужденій К. П Побѣдоносцева).

Эта анонимная статья, принадлежащая пишущему эти строки, побудила г. Льва Тихомирова пускаться въ разныя догадки

---

*) „Вѣстникъ Европы“, 1896, октябрь, за подписью L: „О великой лжи нашего времени“.

о томъ, кѣмъ и для кого она написана и почему она могла безнаказанно появиться въ журналѣ. „Какъ слышно, — писалъ г. Левъ Тихомировъ въ „Русскомъ Обозрѣніи“—эта статья производитъ впечатлѣніе въ нѣкоторыхъ сферахъ, приспособительно къ интересамъ и пониманію которыхъ, впрочемъ, она и писана. Наиболѣе колкія мѣста ея, касательно разныхъ портфелей и „цѣпкаго“ держанія за нихъ, мало даже понятны обыкновенной читающей публикѣ“.

По словамъ г. Льва Тихомирова, „странно даже слышать о томъ, что статья въ Петербургѣ возбуждаетъ сенсацію: можетъ быть, это объясняется ея смѣлостью...“ Г. Тихомировъ намекалъ далѣе, что „смѣлый“ критикъ „Московскаго Сборника“ принадлежитъ, вѣроятно, къ числу лицъ, „чающихъ движенія портфелей“. Разумѣется, съ точки зрѣнія г. Тихомирова, никакихъ другихъ мотивовъ, кромѣ корыстныхъ, не могло быть у защитниковъ идеи народнаго представительства, какъ не было ихъ и у поклонниковъ самодержавія,—а такъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ былъ тогда въ полной силѣ, то правда должна была непремѣнно находиться на его сторонѣ.

Но годы прошли: подъ тяжкими ударами судьбы тогдашняя оффиціальная правда превратилась въ ложь, а то, что объявлялось безсмысленнымъ мечтаніемъ и „великою ложью нашего времени“, сдѣлалось единственною спасительною правдою для Россіи.. „Московскій Сборникъ“ К. П. Побѣдоносцева сохраняетъ, однако, интересъ, какъ памятникъ самодовольной эпохи, обманчиво-блестящей извнѣ, но мрачной и мертвой внутри,—эпохи, подготовлявшей втихомолку Мукденъ и Цусиму

II.

Въ статьяхъ „Московскаго Сборника“ замѣтно прежде всего отрицательное, высокомѣрное отношеніе къ западной Европѣ, къ ея политическимъ и общественнымъ учрежденіямъ, къ ея культурному и нравственному быту. Всѣ передовые народы и государства находятся на ложномъ пути, лучшіе ихъ умы и руководящіе дѣятели блуждаютъ въ потемкахъ,—только русскіе охранители обладаютъ истиною и могутъ снисходительно просвѣщать европейцевъ и указывать имъ дорогу. Съ наибольшей суровостью осуждается авторомъ совре-

менная Франція: она дошла до „крайней деморализаціи общественной мысли“, до „ослабленія политическаго смысла цѣлой націи“, до „крайней степени политическаго разложенія“ Въ одной изъ статей сборника обстоятельно разъясняется и причина столь грустнаго положенія французской націи Статья озаглавлена: „Великая ложь нашего времени“. Великая ложь, губящая злосчастный Западъ съ Франціей во главѣ,—это идея политическаго самоуправленія народовъ, или теорія парламентаризма.

„Одно изъ самыхъ лживыхъ политическихъ началъ,—говорится въ указанной статьѣ,—есть начало народовластія, та, къ сожалѣнію, утвердившаяся со времени французской революціи идея, что всякая власть исходитъ отъ народа и имѣетъ основаніе въ волѣ народной. Отсюда истекаетъ теорія парламентаризма, которая до сихъ поръ вводитъ въ заблужденіе массу такъ называемой интеллигенціи — и проникла, къ несчастію, въ русскія безумныя головы. Она продолжаетъ еще держаться въ умахъ съ упорствомъ узкаго фанатизма, хотя ложь изобличается все явственнѣе передъ цѣлымъ міромъ“.

По мнѣнію автора, теорія парламента-

ризма истекаетъ изъ идеи народовластія, утвердившейся со времени французской революціи; въ дѣйствительности, парламентаризмъ, какъ извѣстно всякому, выработался и прочно утвердился въ Англіи задолго до французской революціи, совершенно независимо отъ идеи народовластія, и слѣдовательно никакъ не можетъ истекать „отсюда“. Допустивъ эту историческую ошибку, авторъ дѣлаетъ еще другую, логическую. онъ беретъ за исходную точку опредѣленные оффиціальные взгляды, вытекающіе изъ установившихся въ Россіи ненормальныхъ отношеній, и рѣшаетъ заранѣе, что западно-европейскіе народы, не придерживающіеся этихъ взглядовъ, плохо устроили свою судьбу. Въ чужихъ краяхъ масса такъ-называемой интеллигенціи перестала вѣрить въ прирожденныхъ тайныхъ совѣтниковъ: она вводится въ заблужденіе теоріею парламентаризма, которая съ фанатическимъ упорствомъ держится въ умахъ, и авторъ считалъ своимъ долгомъ разоблачить это заблужденіе и это упорство.

Западно-европейскіе народы, въ своемъ жалкомъ самообольщеніи, предпочитаютъ видѣть во главѣ управленія какихъ-нибудь

Тьеровъ и Гамбетта, Гладстоновъ и Биконсфильдовъ, чѣмъ истинныхъ сановниковъ, въ родѣ генерала Тимашева или егермейстера Сипягина. Это предпочтеніе парламентскихъ дѣятелей опытнымъ царедворцамъ кажется К. П. Побѣдоносцеву страннымъ безумiемъ.

Характеристика парламентской системы построена авторомъ на отвлеченныхъ предположеніяхъ, съ которыми сопоставляются противорѣчащіе имъ реальные факты. Механизмъ народнаго правленія, говоритъ онъ, „могъ бы успѣшно дѣйствовать, когда бы довѣренныя отъ народа лица устранились вовсе отъ своей личности; когда на парламентскихъ скамьяхъ сидѣли бы механическіе исполнители даннаго имъ наказа; когда бы министры явились тоже безличными, механическими исполнителями воли большинства, когда бы притомъ представителями народа избираемы были всегда лица, способныя уразумѣть въ точности и исполнить добросовѣстно данную имъ и математически точно выраженную программу дѣйствій. Вотъ при такихъ условіяхъ дѣйствительно машина работала бы исправно и достигала бы цѣли. Законъ дѣйствительно выра-

жалъ бы волю народа; управленіе дѣйствительно исходило бы отъ парламента: опорная точка государственнаго зданія лежала бы дѣйствительно въ собраніяхъ избирателей, и каждый гражданинъ явно и сознательно участвовалъ бы въ правленіи общественными дѣлами".

Другими словами,—если бы люди были безжизненными машинами, если бы народъ выбиралъ безличныхъ дѣятелей и систематически устранялъ самостоятельныхъ, талантливыхъ, выдающихся по уму и характеру, и еслибы парламентскія и министерскія скамьи заняты были всегда пассивными ничтожествами, то машина работала бы исправно и достигала бы цѣли. А такъ какъ на практикѣ посылаются въ парламентъ и выдвигаются въ качествѣ кандидатовъ въ министры не механическіе исполнители чужихъ наказовъ, а люди независимые и энергическіе, доказавшіе свою способность къ общественной дѣятельности, то весь парламентскій механизмъ никуда не годится и превращается въ зловредную ложь Представимъ себѣ, что въ парламентахъ засѣдали бы только такія довѣренныя отъ народа лица, которыя, по выраженію автора, „устранились вовсе отъ

своей личности", — и тогда всякіе Жюль-Фавры, Тьеры и Гладстоны были бы вполнѣ устранены. „Вотъ при такихъ условіяхъ,— думаетъ авторъ, — дѣйствительно машина работала бы исправно и достигала бы цѣли".

Не будучи ни безличными, ни пассивными, западно-европейскіе парламентскіе министры и народные представители рѣшительно не удовлетворяютъ требованіямъ „Московскаго Сборника". Эти представители „не стѣсняются нисколько взглядами и мнѣніями избирателей, но руководятся собственнымъ произвольнымъ усмотрѣніемъ и разсчетомъ, соображаемымъ съ тактикой противной партіи", министры „располагаютъ всѣми силами и достатками націи по своему усмотрѣнію, раздаютъ льготы и милости, содержатъ множество праздныхъ людей на счетъ народа,—и притомъ не боятся никакого порицанія, если располагаютъ большинствомъ въ парламентѣ" (т.-е не боятся порицанія, если не имѣютъ поводовъ бояться порицанія),—тогда какъ при самодержавіи министры не боятся никакого порицанія, даже если имѣютъ противъ себя всю страну. Отгого на Западѣ „ошибки, злоупотребленія, произвольныя

дѣйствія—ежедневное явленіе въ министерскомъ управленіи, а часто ли мы слышимъ о серьезной отвѣтственности министра? Развѣ, можетъ быть, разъ въ пятьдесятъ лѣтъ приходится слышать, что надъ министромъ судъ, и всего чаще результатъ суда выходитъ ничтожный — сравнительно съ шумомъ торжественнаго производства".

Правда, недобросовѣстные или неудачные конституціонные министры не продержатся и одного дня предъ парламентомъ; они легко устраняются, помимо суда, простымъ разоблаченіемъ ихъ злоупотребленій и произвольныхъ дѣйствій,—въ отличіе отъ министровъ самодержавія, не подлежащихъ никакой публичной критикѣ; о формальномъ же судѣ надъ министрами, дѣйствующими отъ имени неограниченной верховной власти,—не можетъ быть и рѣчи, каковы бы ни были ихъ хищенія и злоупотребленія. Но все-таки парламентъ есть въ сущности „учрежденіе, служащее для удовлетворенія личнаго честолюбія и тщеславія и личныхъ интересовъ представителей",— ибо вмѣсто правильнаго возвышенія людей, способныхъ вызывать къ себѣ довѣріе и расположеніе начальства, поднимаются вверхъ и достигаютъ вліянія и почета ка-

кія-то частныя лица, иногда ничего не имѣющія за собою, кромѣ дара краснорѣчія, умѣнья дѣйствовать на толпу, заражать ее духомъ патріотизма и стремленія къ общественному благу; эти чувства, даже когда они искусственно подогрѣты или поддѣльны въ ораторѣ, невольно оказываютъ соотвѣтственное возвышающее дѣйствіе на публику, а такого дѣйствія никто еще не приписывалъ министерскимъ циркулярамъ или обязательнымъ постановленіямъ губернаторовъ и градоначальниковъ.

По мнѣнію „Московскаго Сборника", избирательныя и парламентскія рѣчи всегда и непремѣнно обманчивы, фальшивы. Въ нихъ нѣтъ той подлинной, безстрастной правды, которою отличаются дѣловые канцелярскіе доклады, секретныя министерскія записки и правительственныя сообщенія Кандидатъ въ члены парламента долженъ обманывать—и обманываетъ избирателей; передъ выборами онъ „твердитъ все о благѣ общественномъ", онъ не что иное, какъ слуга и печальникъ народа, онъ о себѣ не думаетъ и забудетъ себя и свои интересы ради интереса общественнаго,—и все это слова, слова, одни слова, временныя ступеньки лѣстницы, ко-

торыя онъ строитъ, чтобы взойти куда нужно и потомъ отбросить ненужныя ступени". Послѣ избранія „уже не онъ станетъ работать на общество, а общество станетъ орудіемъ для его цѣлей" Избиратели, какъ безсмысленныя существа, слѣпо идутъ за нимъ; они „являются для него стадомъ— для сбора голосовъ, и владѣльцы этихъ стадъ подлинно уподобляются богатымъ кочевникамъ, для коихъ стадо составляетъ капиталъ, основаніе могущества и знатности въ обществѣ"

Непонятно, какъ могутъ избиратели сами создавать для себя такое позорное иго, почему они не сбрасываютъ насѣвшихъ на нихъ обманщиковъ и не замѣняютъ ихъ болѣе правдивыми и честными представителями. Конечно, бываютъ глупые или испорченные народы, способные выдвигать изъ своей среды только завѣдомыхъ прохвостовъ; но противъ этого зла не помогутъ уже самыя лучшія и справедливыя учрежденія. Выборы періодически повторяются съ тѣми же лживыми пріемами и фразами; а жертвы обмана, избиратели, упорно обольщаютъ себя сознаніемъ своего участія въ общественныхъ и политическихъ дѣлахъ страны. „И такая-то ко-

медія выборовъ продолжаетъ до сихъ поръ обманывать человѣчество и считаться учрежденіемъ, вѣнчающимъ государственное зданіе .. Жалкое человѣчество!“ — восклицаетъ авторъ. Игра въ собираніе голосовъ подъ знаменемъ демократіи процвѣтаетъ „во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ,—и передъ всѣми, кажется, обнаружилась ложь ея; однако, никто не смѣетъ явно возставать противъ этой лжи. Несчастный народъ несетъ тяготу; а газеты—глашатаи мнимаго общественнаго мнѣнія—заглушаютъ вопль народный своимъ кликомъ: „велика Артемида Ефесская!“.

Тяжесть, лежащая на несчастныхъ европейскихъ народахъ, дѣйствительно ужасна: имъ приходится самимъ участвовать въ устройствѣ своей судьбы, вмѣсто того, чтобы предоставить себя всецѣло въ распоряженіе начальства; они вынуждены оказывать вліяніе на законодательство и управленіе черезъ посредство выборныхъ представителей, а послѣдніе не всегда оправдываютъ оказанное имъ довѣріе. Напрасно только говоритъ авторъ, что никто не смѣетъ возстать противъ игры въ собираніе голосовъ, противъ лживыхъ избирательныхъ маневровъ, противъ всѣхъ за-

кулисныхъ слабостей парламентаризма: объ этомъ говорятъ и пишутъ очень много и вполнѣ безпрепятственно.

Прибѣгать къ сомнительнымъ способамъ для цѣлей личной карьеры свойственно, конечно, не однимъ парламентскимъ дѣльцамъ; интриги, лесть, угодничество, ложь въ разныхъ видахъ и формахъ, не любятъ публичности и съ наибольшимъ успѣхомъ практикуются тамъ, гдѣ нѣтъ опасности разглашенія. Кандидаты въ политическіе дѣятели могутъ столь же послѣдовательно руководствоваться побужденіями эгоизма, какъ и заурядные чиновники, сановники и царедворцы: по справедливому вообще замѣчанію автора, „въ наше время рѣдки люди, проникнутые чувствомъ солидарности съ народомъ, готовые на трудъ и самопожертвованіе для общаго блага“,—и въ этомъ отношеніи парламентскіе карьеристы не составляютъ исключенія. Но произвольно обобщать эти отрицательныя явленія и дѣлать изъ нихъ выводъ о негодности парламентскаго режима, было бы такъ же странно, какъ требовать упраздненія чиновничества на томъ основаніи, что между чиновниками бываютъ эгоисты и честолюбцы, что у нихъ забота

объ общемъ благѣ и государственной пользѣ очень часто заглушается мотивами личной выгоды и личнаго возвышенія.

Слѣдуя теоріи нашего автора, можно найти „великую ложь“ во всякомъ учрежденіи, хотя бы самомъ почтенномъ и авторитетномъ. Монархи изъ дома Бурбоновъ были несомнѣнными представителями законной королевской власти во Франціи; но кто станетъ утверждать, что при нихъ королевская власть дѣйствовала правильно, согласно своему назначенію, и что она не была великою ложью въ рукахъ фаворитовъ и метрессъ, разорявшихъ страну?

Въ теоріи, французскій король былъ неограниченный властитель, а довѣренныя отъ него лица были только орудіями его воли; министры должны были бы довольствоваться ролью механическихъ исполнителей даннаго имъ наказа; въ государственные сановники должны были всегда назначаться люди, способные уразумѣть въ точности и исполнять добросовѣстно данную имъ и математически точно выраженную программу дѣйствій. Вотъ при такихъ условіяхъ,—говоря словами автора статьи „Московскаго Сборника“,—дѣйствительно машина работала бы исправно и

достигала бы цѣли Законъ дѣйствительно выражалъ бы сознательную волю короля; управленіе дѣйствительно исходило бы отъ единой центральной власти; опорная точка государственнаго зданія лежала бы дѣйствительно въ совѣсти и разумѣ законнаго правителя

На дѣлѣ происходило совсѣмъ не то: монархією самовластно управляли люди, прикрывавшіеся именемъ короля,— большею частью придворныя ничтожества, случайные любимцы, искатели наслажденій и наживы, ловкіе честолюбцы, а иногда могущественные характеры, въ родѣ Ришелье или Кольбера. Французская государственная власть была тогда „учрежденіемъ, служившимъ для удовлетворенія личнаго честолюбія и тщеславія и личныхъ интересовъ ея представителей"; она была „торжествомъ эгоизма, высшимъ его выраженіемъ", и „все здѣсь было разсчитано на служеніе своему *я*".

По теоріи, король рѣшалъ государственные вопросы по личному своему усмотрѣнію и пониманію, по здравомъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, независимо отъ какихъ-нибудь односторонніхъ вліяній и внушеній; на дѣлѣ онъ рѣшалъ такъ

какъ желательно было его приближеннымъ, ибо до него могли доходить только тѣ свѣдѣнія и соображенія, о которыхъ они ему сообщали. Въ принципѣ, министры были только исполнителями королевской воли; на практикѣ, они создавали и направляли эту волю по своему желанію.

Въ теоріи, довѣріемъ монарха должны были пользоваться только честные и добросовѣстные слуги престола и отечества; на дѣлѣ постоянно возвышались пустые салонные кавалеры, льстивые лицемѣры и ханжи, и всего рѣже цѣнились люди по своимъ достоинствамъ и заслугамъ. Лживость тогдашней правительственной системы была ясна для всѣхъ; однако, никто не смѣлъ возражать противъ нея, подъ страхомъ тюрьмы и ссылки. Несчастный народъ не въ силахъ былъ выносить этотъ гнетъ произвола и беззаконія; народная масса доведена была до полнаго нищенства, а глашатаи мнимой благонамѣренности заглушали народный вопль громкими заявленіями самодовольства.

На какомъ же основаніи нашъ авторъ — хотя и косвенно — рекомендуетъ Франціи возвратиться къ этой великой лжи стараго порядка? Не странно ли доказывать фран-

цузамъ, что лучше было бы имъ оставаться подъ властью фальшивыхъ аббатовъ и разорительныхъ фаворитокъ, чѣмъ находиться подъ управленіемъ Карно, Лубе или Клемансо?

Предположимъ, однако, что авторъ статьи правъ,—что парламентская система уже теряетъ почву на Западѣ, и что „дѣти наши и внуки несомнѣнно дождутся свержения этого идола, которому современный разумъ продолжаетъ еще въ самообольщении поклоняться". Допустимъ, что „современный разумъ" наконецъ постигнетъ истину, столь очевидную для автора статьи „Московскаго Сборника". Будутъ ли тогда вообще уничтожены парламенты или только замѣнены другими болѣе цѣлесообразными учрежденіями? Какія новыя или старыя начала будутъ положены въ основу политической жизни западно-европейскихъ государствъ? Объ этомъ авторъ не говоритъ ни слова;— дѣло именно въ томъ, что онъ даже не касается сущности парламентаризма, а критикуетъ только нѣкоторыя его формы.

Самый скромный гражданинъ въ Англіи или во Франціи считаетъ себя вправѣ интересоваться публичными дѣлами своей

собственной страны; плательщики податей хотятъ знать, на что идутъ собираемые съ нихъ налоги, обыватели вообще убѣждены, что хорошее или дурное управленіе отзывается непосредственно на положеніи всѣхъ и каждаго, что вопросъ о войнѣ и мирѣ затрагиваетъ всѣ классы населенія и что поэтому право общественнаго контроля и обсужденія составляетъ необходимую принадлежность ихъ политическаго быта. Отсюда вытекаютъ, во-первыхъ, свобода мнѣній и критики въ дѣлахъ публичнаго интереса, и во-вторыхъ, общественное участіе въ вопросахъ общей политики, законодательства и финансовъ.

Которое-же изъ этихъ народныхъ и общественныхъ правъ, по мнѣнію автора, теряетъ почву на Западѣ и можетъ быть отмѣнено со временемъ? Думаетъ ли онъ, что западно-европейскимъ народамъ надоѣло пользоваться правомъ публичнаго контроля и обсужденія правительственныхъ дѣйствій, свободою рѣчи и печати, правомъ публичныхъ собраній? Возможно ли отнять у этихъ народовъ право подавать свой голосъ противъ неправильнаго употребленія народныхъ средствъ или противъ упор-

наго держанія во власти недостойныхъ министровъ, злоупотребляющихъ довѣріемъ своего повелителя? Нѣтъ сомнѣнія, что самъ авторъ отвѣтилъ бы на эти вопросы отрицательно, если бы только поставилъ ихъ,—а перечисленныя права именно и составляютъ основные элементы, на которыхъ построена парламентская система.

Такъ какъ законное осуществленіе этихъ правъ немыслимо безъ представительныхъ собраній въ той или другой формѣ, то новый парламентаризмъ неизбѣжно возникъ бы на развалинахъ прежняго. Если же вмѣстѣ съ парламентами удалось бы уничтожить общественное участіе въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, то кто выигралъ бы отъ этой перемѣны? Знаменитѣйшіе государственные люди Англіи—Питтъ и Каннингъ, сэръ Робертъ Пиль и лордъ Пальмерстонъ, Гладстонъ и Биконсфильдъ—были типическими порожденіями парламентаризма, и британская имперія, конечно, не занимала бы такого большого мѣста въ современномъ мірѣ, если бы ею управляли люди другого типа и склада, обычные любимцы придворныхъ салоновъ, искусные въ дѣлѣ угодничества и въ закулисныхъ интригахъ. Внѣшній

блескъ сановниковъ, ихъ празднествъ и затѣй, замѣнилъ бы славу великихъ ораторовъ и дипломатовъ съ ихъ умственною энергіею и предпримчивостью, англійскій народъ не сдѣлался бы тѣмъ великимъ народомъ, какимъ мы его знаемъ, и король Эдуардъ VII не былъ бы императоромъ Индіи. Династія (если вообще она удержалась бы) потеряла бы столько же, сколько и нація. Во Франціи малоизвѣстные теперь аристократы, о талантахъ которыхъ никто не слыхалъ, были бы опять хозяевами страны; они по мѣрѣ силъ душили бы всякую независимую мысль и всякое общественное движеніе

К. П. Побѣдоносцевъ серьезно убѣждаетъ европейцевъ, что они обманываютъ себя, думая, что парламентское правленіе избавило ихъ отъ беззаконій и произвола. у нихъ все осталось въ сущности по прежнему;—„какъ прежде, правитъ ими личная воля и интересъ привилегированныхъ лицъ, только эта личная воля осуществляется уже не въ лицѣ монарха (т. е. не въ лицѣ пользующагося наибольшимъ его довѣріемъ совѣтника), а въ лицѣ предводителя партіи, и привилегированное положеніе принадлежитъ не родовымъ аристократамъ, а

господствующему въ парламентѣ и правленіи большинству"... „Вмѣсто неограниченной власти монарха (или его приближенныхъ) мы получаемъ неограниченную власть парламента, съ тою разницею, что въ лицѣ монарха можно представить себѣ единство разумной воли, а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности" Но на дѣлѣ парламенты ограничиваютъ не власть короля, а самовластіе его министровъ и совѣтниковъ, только послѣднимъ, а не монарху, можно противопоставлять предводителей партій, которые сами дѣйствуютъ отъ его имени, сдѣлавшись министрами. Власть выборной палаты не можетъ быть названа неограниченною; она поставлена въ извѣстныя конституціонныя рамки и притомъ существуетъ только на опредѣленный срокъ до новыхъ выборовъ.

Для народовъ будто бы все равно, какая и чья личная воля править ими,—будетъ ли это личная воля великолѣпнаго герцога Букингама, ни предъ кѣмъ не отвѣтственнаго и несмѣняемаго, или личная воля Гладстона, непосредственно выдвинутаго парламентскимъ большинствомъ, которое обновляется выборами каждыя нѣ-

сколько лѣтъ. Для народовъ будто бы безразлично, кто господствуетъ надъ ними, родовая ли аристократія, обладающая властью по праву наслѣдства, или парламентская партія, достигшая побѣды на выборахъ, благодаря талантамъ своихъ вождей, и могущая потерять свое „привилегированное положеніе“ на слѣдующихъ выборахъ, вслѣдствіе своихъ ошибокъ и неудачъ.

Такъ полагаетъ Побѣдоносцевъ; онъ не видитъ принципіальной разницы между владычествомъ небольшой горсти несмѣняемыхъ вельможъ и господствомъ выборнаго парламентскаго большинства,—между властью случайныхъ фаворитовъ, завладѣвшихъ довѣріемъ монарха неизвѣстными способами, и ролью парламентскихъ предводителей, пріобрѣвшихъ довѣріе цѣлаго общества своею публичною дѣятельностью и обязанныхъ постоянно оправдывать это довѣріе предъ судомъ придирчивой оппозиціи и свободнаго общественнаго мнѣнія „Все осталось въ сущности по прежнему“, по словамъ автора, и парламентскій контроль есть только напрасный плодъ „самообольщенія ума человѣческаго“, —но „современный разумъ“ могъ бы при-

нять эти доводы только за злую насмѣшку надъ придавленнымъ общественнымъ мнѣніемъ.

Очевидно, авторъ статьи не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что собственно онъ опровергаетъ и что доказываетъ; онъ принимаетъ за сущность парламентаризма внѣшнія особенности его въ Англіи или Франціи, и предвѣщаетъ свержение „этого идола“, основныя черты котораго остаются для него неяснымъ. Если господство политическихъ партій, съ періодическою смѣною либеральнаго министерства консервативнымъ, представляетъ зло для Англіи, зло, съ которымъ англичане, впрочемъ, вовсе не желаютъ разстаться,—то въ Германіи это „зло“ не существуетъ, и, слѣдовательно, къ германскимъ парламентамъ непримѣнимы разсужденія въ „Московскомъ Сборникѣ“. Въ Пруссіи и Германіи нѣтъ парламентскаго правленія въ англійскомъ или французскомъ смыслѣ, но есть народное представительство, исполняющее свои законныя функціи безъ ущерба для авторитета правительственной власти, имперскій сеймъ и выборныя палаты отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ образуютъ существенные эле-

менты германской политической жизни, и относить ихъ къ разряду „идоловъ", которымъ предстоитъ паденіе. нѣтъ ни малѣйшаго повода, даже съ точки зрѣнія критики К. П. Побѣдоносцева

Прусскихъ и германскихъ правителей нельзя заподозрить ни въ желаніи подкопаться подъ основы монархическаго строя, ни въ малодушіи или слабости предъ общественнымъ мнѣніемъ. и если они опираются на парламентскія учрежденія и стараются ужиться съ ними, то только потому, что признаютъ ихъ необходимость для правильнаго національнаго развитія своихъ государствъ. Бисмаркъ включилъ въ германскую имперскую конституцію демократическій принципъ всеобщаго избирательнаго права, руководствуясь, безъ сомнѣнія, заботою о благѣ имперіи. Нашъ авторъ приписываетъ Бисмарку личные и даже преступные мотивы: „въ Германіи,— говоритъ онъ.—введеніе общей подачи голосовъ имѣло несомнѣнною цѣлью утвердить центральную власть знаменитаго правителя, пріобрѣвшаго себѣ великую популярность громадными успѣхами своей политики"

Какъ ни судить о политической дѣя-

тельности „желѣзнаго канцлера“, но до сихъ поръ никто еще не сомнѣвался въ его прусско-германскомъ патріотизмѣ и въ его личной преданности Вильгельму I; мы можемъ осуждать его политику, но не имѣемъ права обвинять его въ измѣнѣ своему отечеству и своему королю. Бисмаркъ не могъ желать утвердить свою „центральную власть“ при помощи такого учрежденія, которое нарушало бы интересы династіи и приносило бы вредъ государству; взводить на него подобное обвиненіе, не имѣя къ тому никакихъ данныхъ, было тѣмъ болѣе неловко со стороны автора, что статья его помѣщена въ сборникѣ, изданномъ высокопоставленнымъ лицомъ. Кто самъ себя считаетъ не способнымъ дѣйствовать въ ущербъ интересамъ своей страны ради чисто-личныхъ цѣлей и соображеній, тотъ не долженъ предполагать такую склонность и въ другихъ. Въ этомъ случаѣ К. П. Побѣдоносцевъ поступилъ какъ представитель той „безотвѣтственной“ печати, о которой говорится въ особой статьѣ сборника: онъ нѣсколькими словами, какъ бы мимоходомъ, бросаетъ тѣнь на личную честь человѣка, лишеннаго возможности защи-

шаться предъ русской читающею публикою.

Обвиненіе само по себѣ не выдерживаетъ критики. Послѣ разгрома Франціи, при основаніи новой имперіи, Бисмаркъ былъ въ апогеѣ своей славы и вліянія, достигнувъ полнаго торжества своей политики вопреки противодѣйствію парламентской и придворной оппозиціи, онъ былъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, увѣренъ въ незыблемой прочности своего личнаго положенія при королѣ и императорѣ. Личные мотивы должны были побуждать его стремиться къ расширенію оффиціальной власти Вильгельма I и къ уничтоженію парламентскаго контроля, который причинялъ ему столько хлопотъ и непріятностей въ первые годы министерской дѣятельности. Но онъ поступилъ не какъ вульгарный честолюбецъ, а какъ дальновидный государственный человѣкъ, привыкшій жертвовать личными удобствами для пользы государства. Бисмаркъ никогда не боялся публичности; онъ понималъ служеніе государству не какъ замкнутую область, скрытую отъ взоровъ народной массы, а какъ общественное, національное дѣло, успѣшный ходъ котораго немыслимъ безъ

активной поддержки и сочувствія граждань Онъ предпочиталъ дѣйствовать и говорить предъ лицомъ всей нации, выслушивая рѣзкія возраженія и нападки противниковъ, вмѣсто того, чтобы замыкаться въ тѣсный кругъ преклонявшихся предъ нимъ сановныхъ посредственностей. Онъ часто боролся съ парламентомъ, но никогда не отрицалъ его законной роли и значенія. К. П Побѣдоносцевъ даетъ понять, что онъ лучше Бисмарка понимаетъ истинные государственные интересы германской имперіи. Знаменитый канцлеръ увлекъ Вильгельма I на путь „самообольщенія ума человѣческаго" или по незнанію, или по недобросовѣстности; можетъ быть, онъ остановился бы во-время, если бы стоялъ на уровнѣ пониманія русскаго автора и не поддавался внушеніямъ „современнаго разума"

Отмѣтимъ еще два указанія въ „Московскомъ Сборникѣ" Политическія партіи, по мнѣнію автора, стремятся къ власти изъ-за матеріальныхъ выгодъ. Сторонники министерства всегда подаютъ голосъ за правительство; „имъ приходится, во всякомъ случаѣ, стоять за него—не ради поддержанія власти, не изъ-за внутренняго

согласія въ мнѣніяхъ, но потому, что это правительство само держитъ членовъ своей партіи во власти и во всѣхъ сопряженныхъ со властью преимуществахъ, выгодахъ и прибыляхъ".

Намекъ на „прибыли", связанныя съ властью, заставляетъ насъ напомнить объ одномъ обстоятельствѣ, которое всегда должно было удивлять читателя при извѣстіяхъ о ходѣ министерскаго кризиса, напр., во Франціи. Кабинетъ вышелъ въ отставку, и президентъ республики ищетъ новыхъ министровъ: эти поиски продолжаются нѣсколько дней, иногда недѣлю и больше; разные политическіе дѣятели поочередно отказываются отъ предлагаемыхъ имъ министерскихъ портфелей; нерѣдко налаженная уже комбинація разстраивается изъ-за упорства какого-нибудь одного кандидата, котораго не удается уговорить сдѣлаться министромъ. Бывали случаи, когда трудность отысканія министровъ, согласныхъ между собою на почвѣ опредѣленной программы, доходила до трагизма; при маршалѣ Макъ-Магонѣ одинъ кандидатъ на постъ главы кабинета умеръ отъ волненій, вызванныхъ утомительною

и тщетною погонею за кандидатами въ министры.

Ничего подобнаго не было бы, еслибы для политическихъ дѣятелей стояли на первомъ планѣ соображенія о „преимуществахъ, выгодахъ и прибыляхъ“, сопряженныхъ съ министерскою властью Всякій, кому предложенъ постъ министра, немедленно изъявлялъ бы свое согласіе; никто не возбуждалъ бы вопросовъ о тѣхъ или другихъ пунктахъ политической программы, никто не отказывался бы изъ-за споровъ о какомъ-нибудь законопроектѣ, и образованіе новаго министерства подъ главенствомъ опредѣленнаго лица было бы дѣломъ очень легкимъ и простымъ.

Очевидно, что даже во Франціи, гдѣ матеріальные интересы играютъ вообще большую роль во всѣхъ сферахъ дѣятельности, политика партій и ихъ вождей направляется другими цѣлями и побужденіями, чѣмъ указываемыя нашимъ авторомъ „прибыли“ Что касается Англіи, то связывать мысль о личныхъ „прибыляхъ“ съ политическими стремленіями и дѣйствіями Гладстона или лорда Сольсбери не рѣшился бы, вѣроятно, и „Московскій Сборникъ“. Такъ же точно сторонники мини-

стерства далеко не всегда слѣдуютъ за своими предводителями, располагающими правительственною властью; достаточно сослаться на отпаденіе части либеральной партіи отъ Гладстона изъ-за проекта ирландской автономіи.

Конституціонные министры выходятъ въ отставку при первомъ серьезномъ разногласіи между собою или съ главою правительства, они не держатся цѣпко за свои портфели и, дѣйствуя на широкой публичной аренѣ, привыкаютъ дорожить больше общественнымъ уваженіемъ, чѣмъ своими „прибыльными“ мѣстами Долголѣтнее и упорное, до поздней старости, пребываніе однихъ и тѣхъ же лицъ во власти является на Западѣ рѣдкимъ исключеніемъ, выпадающимъ лишь на долю особенно даровитыхъ, незамѣнимыхъ дѣятелей.

„Московскій Сборникъ“ утверждаетъ, что въ западной Европѣ стоитъ за парламентскую систему и славитъ ее только „либеральная интеллигенція“; въ дѣйствительности, повсюду консервативные элементы общества столь же твердо защищаютъ парламентскія учрежденія, какъ либералы, и въ этомъ отношеніи нѣтъ никакой разницы

между консерваторами и прогрессистами, ни въ Англіи, ни въ Германіи, ни въ другихъ конституціонныхъ странахъ. Можно сказать наоборотъ, что западно-европейскіе консерваторы крѣпче отстаиваютъ парламентаризмъ, чѣмъ передовая „интеллигенція“, и что противъ парламентовъ чаще всего высказываются на Западѣ крайніе радикалы, соціалисты и анархисты.

III.

Разсуждая свысока о западно-европейскихъ политическихъ идеяхъ и порядкахъ, „Московскій Сборникъ“ въ то же время говоритъ нѣчто совершенно другое, когда приходится разбирать наши собственныя дѣла и ходячія понятія

Въ Англіи издавна царитъ „великая ложь нашего времени“; слѣдовательно, тамъ авторитетъ власти и закона долженъ быть подорванъ и ослабленъ. У насъ не было „великой лжи“; законъ и власть должны стоять у насъ выше и тверже, чѣмъ гдѣ бы то ни было Между тѣмъ, К. П. Побѣдоносцевъ ставитъ намъ въ образецъ англійское уваженіе къ власти и закону:

„когда говорится объ уваженіи къ закону въ Англіи, слово *законъ* ничего еще не изъясняетъ, сила закона (коего люди не знаютъ) поддерживается въ сущности уваженіемъ къ *власти*, которая орудуетъ закономъ, и довѣріемъ къ разуму ея, искусству и знанію. Въ Англіи не пренебрежено, но строго охраняется главное, необходимое условіе для поддержанія законнаго порядка: опредѣлительность поставленныхъ для того властей и принадлежащаго каждой изъ нихъ круга, такъ что ни одна изъ нихъ не можетъ сомнѣваться въ твердости и колебаться въ сознаніи предѣловъ своего государственнаго полномочія. На этомъ основаніи власть орудуетъ не одною буквою закона, рабски подчиняясь ей въ страхѣ отвѣтственности, но орудуетъ закономъ въ цѣльномъ и разумномъ его значеніи, какъ нравственною силою, исходящею отъ государства". Авторъ какъ будто уже забылъ, что власть и законъ въ Англіи зависятъ отъ „этого идола", которому люди поклоняются въ своемъ самообольщеніи.

У насъ господствовала правда, и во имя этой правды „Московскій Сборникъ" смѣло обрушился на лживый Западъ. Но,—какъ справедливо замѣчено въ томъ же сбор-

никѣ,—„никогда еще, кажется, отецъ лжи не изобрѣталъ такого сплетенія лжей всякаго рода, какъ въ наше смутное время, когда столько слышится отовсюду лживыхъ рѣчей о правдѣ По мѣрѣ того какъ усложняются формы быта общественнаго, возникаютъ новыя лживыя отношенія и цѣлыя учрежденія, насквозь пропитанныя ложью. На всякомъ шагу встрѣчаешь великолѣпное зданіе, на фронтонѣ коего написано: „здѣсь истина". Входишь и ничего не видишь, кромѣ лжи. Выходишь, и когда пытаешься разсказывать о лжи, которою душа возмущалась, люди негодуютъ и велятъ вѣрить и проповѣдывать, что это истина, внѣ всякаго сомнѣнія"

Гдѣ же истина среди этихъ повсемѣстныхъ лживыхъ рѣчей о правдѣ? Если вѣрить автору, она затерялась и у насъ въ Россіи, „въ несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью Россіи". Несчастіе наше, повидимому, еще не такъ велико: иноземную, наносную ложь всегда легче искоренить, чѣмъ свою собственную, родную, выросшую самостоятельно и проникшую насквозь весь частный и общественный бытъ.

Однако, въ крайне печальномъ свѣтѣ

рисуется наша жизнь въ „Московскомъ Сборникѣ“, независимо отъ ложныхъ заграничныхъ ученій. Человѣческая жизнь цѣнится дешево; люди прибѣгаютъ къ самоубійству съ непонятною легкостью, при полномъ общественномъ равнодушіи, — и это „оттого, что жизнь наша стала до невѣроятности уродлива, безумна и лжива; оттого, что исчезъ всякій порядокъ, пропала всякая послѣдовательность въ нашемъ развитіи; оттого, что разслабла посреди насъ всякая дисциплина мысли, чувства и нравственности“. Въ нашемъ обществѣ накопилась „необъятная масса лжи, проникшей во всѣ отношенія, заразившей самую атмосферу, которою мы дышемъ, среду, въ которой движемся и дѣйствуемъ, мысль, которою мы направляемъ свою волю, и слово, которымъ выражаемъ мысль свою“ Такое страшное опустошеніе не могла бы произвести чужая, заимствованная ложь: она встрѣтила бы отпоръ въ родной правдѣ и осталась бы предъ нею безсильною Многіе погибаютъ у насъ „оттого, что не въ силахъ примирить свой, можетъ быть возвышенный, идеалъ жизни и дѣятельности съ ложью окружающей ихъ среды, съ ложью людей и учрежденій; разувѣрясь въ томъ,

во что обманчиво вѣровали, и не имѣя въ себѣ другой истинной вѣры, они теряютъ равновѣсіе и малодушно бѣгутъ вонъ изъ жизни".

По крайней мѣрѣ представители власти сохраняли, конечно, незыблемый нравственный авторитетъ, такъ какъ они свободны отъ недостатковъ и погрѣшностей, порождаемыхъ на Западѣ „великою ложью нашего времени"? Но и это утѣшеніе исчезаетъ какъ дымъ, благодаря откровеннымъ признаніямъ „Московскаго Сборника".

Оказывается, что не мало у насъ такихъ людей, которыхъ „погубило внезапное и неравномѣрное возвышеніе, погубила власть, къ которой они легкомысленно стремились, которую взяли на себя не по силамъ". Доступъ къ власти почему-то открытъ всякому желающему; съ необычайною легкостью создаются репутаціи, „получаются важныя общественныя должности, сопряженныя съ властью, раздаются знатныя награды" Недоучившійся, неопытный юноша можетъ сдѣлаться „составителемъ законодательныхъ проектовъ; былинка, вчера только поднявшаяся изъ земли, становится на мѣсто крѣпкаго дерева". Дошло до того, что „дѣйствитель-

ному достоинству становится трудно явить и оправдать себя, ибо на рынкѣ людского тщеславія имѣетъ ходъ только дутая блестящая монета. Въ такую эпоху люди легко берутся за все, воображая себя въ силахъ со всѣмъ справиться,—и успѣваютъ, при нѣкоторомъ искусствѣ, проникать безъ большихъ усилій на властное мѣсто. Властное званіе соблазнительно для людского тщеславія; съ нимъ соединяется представленіе о почетѣ, о льготномъ положеніи, о правѣ раздавать честь и создавать изъ ничего иныя власти. Но каково бы ни было людское представленіе, нравственное начало власти--одно, непреложное: „кто хочетъ быть первымъ, тотъ долженъ быть всѣмъ слугою“. Если-бы всѣ объ этомъ подумали, кто пожелалъ бы брать на себя невыносимое бремя? Однако, всѣ готовы съ охотою идти во власть, и это бремя власти многихъ погубило и раздавило, ибо въ наше время задача власти усложнилась и запуталась чрезвычайно, особливо у насъ. И такъ, много есть людей, передъ коими власть, легкомысленно взятая, легкомысленно возложенная, становится роковымъ сфинксомъ

и ставитъ свою загадку. Кто не съумѣлъ разгадать ее, тотъ погибаетъ".

Истинно-русскіе государственные дѣятели, которые въ теоріи должны превосходить своихъ западно-европейскихъ коллегъ, вовсе не проявляютъ своихъ преимуществъ на практикѣ. „Общая и господствующая болѣзнь у всѣхъ такъ называемыхъ государственныхъ людей— честолюбіе или желаніе прославиться. Жизнь течетъ въ наше время съ неимѣрною быстротою; государственные дѣятели часто мѣняются, и потому каждый, покуда у мѣста, горитъ нетерпѣніемъ прославиться поскорѣе, пока еще есть время и пока въ рукахъ кормило" Всякому хочется передѣлать все свое дѣло заново, очистить себѣ ровное поле и творить изъ ничего; это стремленіе „тѣмъ сильнѣе увлекаетъ мысль государственнаго дѣятеля, чѣмъ менѣе онъ приготовленъ знаніемъ и опытомъ къ своему званію" Этотъ пріемъ „соблазнителенъ еще и тѣмъ, что, прикрывая дѣйствительное знаніе (незнаніе?), онъ даетъ широкое поле дѣйствію политическаго шарлатанства и помогаетъ прославиться самымъ дешевымъ способомъ". На этомъ удобномъ полѣ творчества вся-

кій начальствующій человѣкъ „можетъ, ничего не смысля въ дѣлѣ и не давая себѣ большого труда, защищать какой бы то ни было проектъ преобразованія, составленный въ подначальныхъ канцеляріяхъ кѣмъ-нибудь изъ малыхъ преобразователей, подстрекаемыхъ тоже желаніемъ дешево прославиться“.

Не имѣя предъ собою обычныхъ золъ иноземной политической жизни, „полагающихъ преграду вольному устройству быта и порыву мысли и воображенія“, наши канцелярскіе реформаторы могутъ безпрепятственно осуществлять самые неосновательные планы. „Гдѣ шире и вольнѣе историческое и экономическое поле, тамъ есть гдѣ разгуляться какимъ угодно преобразовательнымъ фантазіямъ, — тамъ нѣтъ иногда и борьбы, нѣтъ и затруднительнаго разсчета съ утвердившимися идеями, интересами и партіями, но полная свобода широкому размаху руки, натиску груди, быстрому налету перваго наѣздника“.

Именно то самодержавіе, которое давало поводъ „Московскому Сборнику“ гордиться нашимъ превосходствомъ предъ Западомъ, превращается у него вдругъ въ

источникъ печальныхъ явленій, „Поприще государственной дѣятельности наполняется все архитекторами, и всякій кто хочетъ быть работникомъ, или хозяиномъ, или жильцомъ,—долженъ выставить себя архитекторомъ Очевидно, что при такомъ направленіи мысли и вкуса открывается безграничное поле всякому шарлатанству, всякой ловкости лицемѣрія и бойкости невѣжества". Авторъ особенно напираетъ на вредъ непризваннаго новаторства, исходящаго отъ некомпетентныхъ лицъ, но дѣло тутъ не въ направленіи дѣятельности, а въ самой возможности того, что люди мало знающіе, склонные къ шарлатанству и лицемѣрію, попадаютъ какими-то судьбами въ государственные дѣятели. Другого рода люди, предпочитающіе положительную, практическую работу, подъ вліяніемъ общаго неблагопріятнаго для нихъ настроенія, „отходятъ, ити—что́ еще хуже и что слишкомъ часто случается,—не покидая мѣста, снановятся равнодушны къ дѣлу и стерегутъ только видъ его и форму, ради своего прибытка и благосостоянія".

Относясь столь критически къ отечественнымъ государственнымъ дѣятелямъ,

авторъ по справедливости не долженъ былъ бы уже выражать желаніе, чтобы только по ихъ уполномочію позволялось высказывать что-либо въ печати и чтобы критика ихъ сдѣлалась невозможною для журналистики и для частныхъ изданій, въ въ томъ числѣ и для такихъ, какъ „Московскій Сборникъ“

Преобладающіе у насъ типы служебныхъ карьеристовъ, кандидатовъ въ государственные люди, очерчены весьма ярко въ интересной статьѣ о „характерахъ“. Бездарный и холодный, но ловкій „Никандръ“ умѣетъ вызвать и поддерживать о себѣ высокое мнѣніе начальства, его бумаги, записки и доклады всегда составлены съ замѣчательнымъ искусствомъ, хотя въ сущности производили впечатлѣніе „прекрасно сервированнаго завтрака, на которомъ ѣсть нечего“. Своимъ гладкимъ канцелярскимъ стилемъ ему всегда удавалось „притупить и обольстить вкусъ, поглотить сущее зерно вопроса, опутать его пеленами закругленной фразы, до того, что читатель, упуская изъ виду сущность и корень дѣла, сосредоточиваетъ интересъ свой на оболочкѣ, на побочныхъ и формальныхъ его принадлежностяхъ, на тѣхъ

путяхъ, по которымъ дѣло слѣдуетъ отъ истока своего до впаденія"; такимъ образомъ, бумага „гладко и ровно доводила податливаго читателя до потребнаго результата, отмѣчая ту точку, къ которой требовалось на сей разъ прибуксировать дѣло Казалось, все такъ ясно изложено было въ обточенныхъ фразахъ, но въ сущности ничто не было ясно, все прикрывалось туманомъ; а дѣло, по бумагѣ, въ концѣ-концовъ обдѣлывалось — e sempre bene".

Это искусство канцелярскаго изложенія играло у насъ ту роль, которая на Западѣ принадлежитъ парламентскому краснорѣчію, столь сурово осуждаемому авторомъ; но, какъ видно, и наша самобытная форма обсужденія государственныхъ вопросовъ имѣетъ свои слабыя стороны. Никандръ достигъ значительнаго правительственнаго поста и можетъ сойти за отечественнаго Гладстона. „Вѣкъ живи, вѣкъ учись!—заключаетъ авторъ.—Подлинно, я начинаю теперь только понимать, отчего въ школѣ учители наши такъ восхищались Никандромъ, отчего и въ нынѣшней его дѣятельности всѣ имъ довольны, всѣ прославляютъ его геніемъ дѣла. Говорятъ, что

геній—тотъ, кто отвѣчаетъ на вопросы времени, кто умѣетъ постигнуть потребность эпохи, мѣста, и удовлетворяетъ ей Никандръ умѣлъ понять вопросы времени, потребности среды, и удовлетворить имъ. Что нужды, что вопросы эти—мелкіе, что потребности эти — немудреныя! Все-таки онъ великій человѣкъ—и, увы, отчасти представитель великихъ дѣятелей нашего времени. Около него образовалась уже цѣлая школа подобныхъ ему дѣятелей Какъ они всѣ благопріличны, какъ они гладки, какъ ровно и плавно вступаютъ въ репутацію способныхъ людей! Когда я вижу ихъ, мнѣ невольно приходитъ на мысль отрывочная сцена изъ Фауста. „Духи исчезаютъ безъ всякаго запаха Маршалокъ съ удивленіемъ спрашиваетъ епископа: слышите вы, чѣмъ нибудь пахнетъ?— Ничего не слышу— отвѣчаетъ епископъ. А Мефистофель поясняетъ:—Духи этого рода, государи мои, не имѣютъ никакого запаха. Diese Art Geister stinken nicht, meine Herren“.

„Московскій Сборникъ“ противопоставляетъ этимъ дѣятелямъ свой идеалъ начальника и преподаетъ имъ хорошіе совѣты, но чувствуетъ самъ, что нравствен-

ныя сентенціи не передѣлаютъ взрослыхъ людей, достигшихъ власти надъ другими „Власть,—говоритъ онъ,—какъ носительница правды, нуждается болѣе всего въ людяхъ правды, въ людяхъ твердой мысли, крѣпкаго разумѣнія и праваго слова, у коихъ „да“ и „нѣтъ“ не соприкасаются и не сливаются, но самостоятельно и раздѣльно возникаютъ въ духѣ и въ словѣ выражаются. Только такіе люди могутъ быть твердою опорою власти и вѣрными ея руководителями (!). Счастлива власть, умѣющая различать такихъ людей и цѣнить ихъ по достоинству и неуклонно держаться ихъ. Горе той власти, которая такими людьми не дорожитъ и предпочитаетъ имъ людей склоннаго нрава, уклончиваго мнѣнія и языка льстиваго!“ Другими словами, счастлива власть, умѣющая неуклонно подчиняться руководству такихъ надежныхъ людей, какъ Побѣдоносцевъ, и горе той власти, которая не слушается ихъ и легко разстается съ ними!

Но гдѣ же тѣ признаки, по которымъ можно отличить твердую правду отъ столь же твердаго и послѣдовательнаго заблужденія? Твердая мысль, высказываемая безъ колебаній и настойчиво проводимая

на дѣлѣ, можетъ исходить изъ ложной идеи и принести неисчислимый вредъ государству, поэтому было бы крайне рискованно держаться такихъ людей неуклонно, не выслушивая несогласныхъ съ ними лицъ, и тѣмъ болѣе — предоставить имъ роль „руководителей“ самодержавной власти.

Въ начальникѣ, — говорится далѣе,— „сознаніе достоинства должно быть неразлучно съ сознаніемъ долга: по мѣрѣ того, какъ блѣднѣетъ сознаніе долга, сознаніе достоинства, расширяясь и возвышаясь не въ мѣру, производитъ болѣзнь, которую можно назвать гипертрофіею власти По мѣрѣ усиленія этой болѣзни, власть можетъ впасть въ состояніе нравственнаго помраченія, въ коемъ она представляется сама по себѣ и сама для себя существующею Это будетъ уже начало разложенія власти“. Начальникъ не долженъ пренебрегать указаніями своихъ подчиненныхъ „Бѣда начальнику, если онъ вообразитъ, что все можетъ знать и обо всемъ разсудить непосредственно, независимо отъ знаній и опытности подчиненныхъ, и захочетъ рѣшить всѣ вопросы однимъ своимъ властнымъ словомъ и приказаніемъ, не

справляясь съ мыслью и мнѣніемъ подчиненныхъ (только подчиненныхъ ?), непосредственно къ нему относящихся.. Пущая бѣда ему, если онъ впадаетъ въ пагубную привычку не терпѣть и не допускать возраженій и противорѣчій: это—свойство не однихъ только умовъ ограниченныхъ, но встрѣчается нерѣдко у самыхъ умныхъ и энергическихъ, но не въ мѣру самолюбивыхъ и самоувѣренныхъ дѣятелей. Добросовѣстнаго дѣятеля должна страшить привычка къ произволу и самовластію въ рѣшеніяхъ: сю воспитывается равнодушіе, язва бюрократіи Власть не должна забывать, что за каждою бумагою стоитъ или живой человѣкъ или живое дѣло, и что сама жизнь настоятельно требуетъ и ждетъ соотвѣтственнаго съ нею рѣшенія и направленія". Но этотъ живой человѣкъ, это живое дѣло и сама жизнь представляются начальнику только въ отвлеченности и неизбѣжно блѣднѣютъ и исчезаютъ съ его горизонта; тогда власть совершаетъ свое дѣло „безсознательно и формально, подъ покровомъ начальственнаго величія". А „когда учрежденіе нѣмѣетъ и мертвѣетъ, замыкаясь въ пошлыхъ путяхъ текущей формальности, оно перестаетъ быть

школою искусства, превращаясь въ машину, около коей смѣняются работники. Горизонты замыкаются, некуда смотрѣть, и нѣтъ стремленія и движенія впередъ“ Злоупотребленія разнаго рода находятъ благодарную почву.

Къ несчастью, „по мѣрѣ ослабленія нравственнаго начала власти въ начальникѣ, имъ овладѣваетъ пагубная страсть патронатства, страсть покровительствовать и раздавать мѣста и должности высшаго и низшаго разряда. Великая бѣда— отъ распространенія этой страсти, лицемѣрно прикрываемой видомъ добродушія и благодѣянія нуждающимся людямъ Побужденія этой благодѣтельности нерѣдко смѣшиваются съ побужденіями угодничества передъ другими сильными міра, желающими облагодѣтельствовать своихъ кліентовъ Увы, благодѣянія этого рода раздаются часто на счетъ блага общественнаго, на счетъ благоустройства служебныхъ отправленій, наконецъ на счетъ казенной или общественной кассы“ Увлеченіе этой слабостью „можетъ довести власть до крайняго разслабленія, до смѣшенія достоинства и способности съ тупостью и низостью побужденій, до раз-

вращенія подчиненныхъ общею погоней за мѣстами, общею похотью къ почестямъ, наградамъ и денежнымъ раздачамъ".

Трудно было бы представить болѣе яркую характеристику той системы бюрократическаго самовластья, незыблемость которой такъ упорно и успѣшно всегда отстаивалъ К. П. Побѣдоносцевъ.

IV.

Мало утѣшительны также отзывы „Московскаго Сборника" о нравахъ такъ называемаго высшаго общества, окружающаго представителей власти. „Гордая и величественная Мессалина", царящая въ салонахъ, — какъ узнаемъ мы изъ этюда „о характерахъ",—ничѣмъ не разнится отъ Лаисы, пользующейся популярностью среди знатной молодежи; но у нея есть мужъ, котораго громкое имя она носитъ, и есть домъ, великолѣпный, съ цѣлою когортою ливрейныхъ лакеевъ на мраморной лѣстницѣ. „Но какая связь соединяетъ ее съ этимъ мужемъ и для чего живутъ они подъ одною кровлею—это тайна, извѣстная одной Мессалинѣ. Въ ея салонѣ мужъ присутствуетъ; мужъ сопровождаетъ ее въ другіе салоны, и все покрываетъ собою

Но когда встрѣчаютъ Мессалину зимой на бѣшеной тройкѣ, или весной на шумномъ гульбищѣ въ шикарномъ экипажѣ, запряженномъ рысаками, — нѣкто другой, а не мужъ, раздѣляетъ съ нею часы забавы и веселости"... Въ ея чертогахъ „всѣ извиняютъ другъ другу все, кромѣ строгаго отношенія къ нравственнымъ началамъ жизни".

„Все ложь—въ жизни и обстановкѣ Мессалины. Роскошь, ее окружающая, домъ ея съ великолѣпнымъ убранствомъ, разставленные по лѣстницѣ величественные лакеи, тысячные наряды ея и уборы,— все это ложь; все это должно, кажется, рухнуть каждую минуту. Все это, и давно уже, въ сущности не ея, а чужое, мнимое, потому что счеть уже потерянъ долгамъ ея и ея супруга, и счеты изъ магазиновъ, ей представленные, давно уже составляютъ безобразную кучу, въ которой никто не умѣетъ разобраться. Имѣнія ея заложены и назначаются то и дѣло въ публичную продажу; заводы то и дѣло останавливаютъ свое дѣйствіе; заимодавцы пристаютъ съ требованіями и предъявляютъ иски. Но какимъ-то волшебствомъ все это распутывается въ критическія минуты,— имѣнія освобождаются отъ продажи, заводы воз-

становляютъ свое дѣйствіе, заимодавцы, подобно завоевателю, гонимому невѣдомымъ страхомъ, разсѣеваются и притихаютъ,— и Мессалина объявляетъ въ своихъ чертогахъ балъ, на которомъ присутствуетъ избранное общество, и нѣтъ конца восторженнымъ похваламъ блеску и вкусу и великолѣпію бала". Вся сила государственной власти—къ услугамъ Мессалины и ея близкихъ; ради этого блестящаго придворнаго круга „какимъ-то волшебствомъ" совершаются явныя беззаконія, и нарушаются матеріальные интересы частныхъ лицъ.

„Мессалина и подобные ей живутъ на высотахъ, никогда не спускаясь въ долину. Смотришь на нихъ наверхъ и съ изумленіемъ спрашиваешь себя: какъ эти люди, дыша всегда воздухомъ горныхъ высотъ, не задохнутся? Или, подобно олимпійцамъ, питаются они амброзіею? Они видятъ и слышатъ только подобныхъ себѣ, и всѣ дѣла, заботы, печали и радости людей дольняго міра представляются имъ въ туманной картинѣ, долетаютъ къ нимъ какъ дальнее жужжаніе насѣкомыхъ". Иногда они чувствуютъ потребность успокоить свою совѣсть дѣлами благотворенія, и для

этого придумано учрежденіе, при помощи котораго благотворительность „превращается въ одинъ изъ видовъ общественнаго увеселенія и представляетъ изъ себя ярмарку тщеславія“. На роскошномъ „базарѣ благотворительности“ Мессалина возбуждаетъ зависть и восторгъ своимъ блестящимъ туалетомъ, только-что полученнымъ изъ Парижа и стоившимъ бѣшеныхъ денегъ; она проникнута гордымъ сознаніемъ исполненнаго долга, хотя вся ея выручка не достигала цѣны того платья, которое она на себѣ носила. „Невольно приходило на мысль: какая громадная сумма составилась бы изъ сложенія всѣхъ тѣхъ цифръ, которыя принесли въ залу на плечахъ своихъ эти благодѣтельныя особы!“

Какія же нравственныя начала могутъ найти себѣ опору въ этомъ мірѣ наружнаго блеска, при всеобщемъ владычествѣ столь соблазнительныхъ формъ лжи и лицемѣрія?

Наша дѣйствительная жизнь, устраиваемая всесильною администрацею,—какъ соглашается и „Московскій Сборникъ“,—даетъ мало матеріала для самодовольства и самомнѣнія. „Стоитъ только пройтись по улицамъ большого или малаго города,

по большой или малой деревнѣ,—читаемъ мы въ сборникѣ,—чтобы увидать разомъ и на каждомъ шагу, въ какой безднѣ улучшеній мы нуждаемся и какая повсюду лежитъ безобразная масса покинутыхъ дѣлъ, пренебреженныхъ учрежденій, разсыпанныхъ храминъ“ Школы, больницы, уличное благоустройство, общественное хозяйство, правительственныя канцеляріи, духовные интересы,—все ждетъ разумнаго руководства и содѣйствія „Вотъ присутственное мѣсто, призванное къ важнѣйшему государственному отправленію, въ которомъ водворился хаосъ неурядицы и неправды, за неспособностью чиновниковъ, туда назначаемыхъ; вотъ департаментъ, въ которомъ, когда ни придешь за дѣломъ, не находишь нужныхъ для дѣла лицъ, обязанныхъ тамъ присутствовать; вотъ храмы—свѣтильники народные, оставленные посреди селъ и деревень запертыми, безъ службы и пѣнія, и вотъ другіе, изъ коихъ, за крайнимъ безчиніемъ службы, не выноситъ народъ ничего, кромѣ хаоса, невѣдѣнія и раздраженія. Великъ этотъ свитокъ, и сколько въ немъ написано у насъ рыданія и жалости и горя!“ Предстоитъ еще „начать преобразованіе изну-

три, просвѣтить сначала духъ народный, углубить въ немъ идею, очистить и обогатить нравственный и умственный бытъ его". Во многихъ мѣстностяхъ „народъ тупо стоитъ въ церкви, ничего не понимая, подъ козлогласованіемъ дьячка или бормотаніемъ клирика"... „Увы, не церковь повинна въ этой тупости и не бѣдный народъ повиненъ—повиненъ лѣнивый и несмыслящій служитель церкви; повинна власть церковная, невнимательно и равнодушно распредѣляющая служителей церкви, повинна, по мѣстамъ, скудость и безпомощность народная".

Послѣ всего этого позволительно спросить: возможно ли совмѣстить приведенные факты съ указаніемъ на „чужеземную ложь", какъ на главнѣйшій источникъ нашихъ бѣдствій? Подобало ли нашимъ оффиціальнымъ патріотамъ снисходительно осуждать недостатки чужихъ странъ и брать на себя роль обличителей и наставниковъ по отношенію къ конституціонной Европѣ?

Изъ многихъ справедливыхъ замѣчаній самого „Московскаго Сборника" несомнѣнно вытекаетъ выводъ, что „великою ложью нашего времени" слѣдуетъ счи-

тать теорію и практику самовласть, а не принципъ народнаго представительства или парламентаризма.

V.

К. П Побѣдоносцевъ раскрылъ свои истинные государственные взгляды и помышленія въ первые критическіе моменты послѣ катастрофы 1 марта 1881 года

„Сегодня вечеромъ, въ двѣнадцатомъ часу ночи,—пишетъ онъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ Тютчевой [1]),—бѣдный Сынъ и Наслѣдникъ съ рыданіемъ обнялъ меня. О какъ мнѣ жаль его! *Ахъ, и себя жаль*.. Что теперь будетъ? Спаси насъ, Господи!"

Первою мыслью его въ этотъ роковой день была забота о своемъ собственномъ положеніи, тревожная забота о томъ, Удастся ли ему пріобрѣсть вліяніе на новаго Государя и повести его за собою „Боже, какъ мнѣ жаль его, новаго Государя! — восклицаетъ онъ въ письмѣ отъ 3 марта. — Жаль, какъ бѣднаго, больного, ошеломленнаго ребенка Боюсь, что воли

[1]) См „Русскій Архивъ", 1907, кн. V; эти интересныя письма были напечатаны также въ „Новомъ Времени"

не будетъ у него. Кто же поведетъ его?.. Въ первый вечеръ А. А. обнялъ меня со слезами и говорилъ: „Я увѣренъ, что вы будете служить вѣрой и правдой, какъ прежде служили“ Я не ждалъ отъ него другого слова, но ради его самого желалъ бы услышать отъ него другое слово, живое слово· „Какъ мнѣ быть? Что дѣлать?“

Забывъ или оставивъ въ сторонѣ оффиціальныя формулы самодержавія, К П Побѣдоносцевъ откровенно говоритъ о необходимости чьей-либо опеки надъ монархомъ, который будто бы самъ, безъ посторонняго руководства, не можетъ знать, какъ ему быть и что̀ дѣлать. Его волю направляетъ „покуда все тотъ же фокусникъ Лорисъ-Меликовъ; теперь, по всѣмъ признакамъ, онъ его опутываетъ, ибо у него ключи въ рукахъ, и онъ хранитель безопасности“. „Я писалъ ему (Государю) сегодня,—сообщаетъ Побѣдоносцевъ Тютчевой въ томъ же письмѣ отъ 3 марта,—писалъ, что необходимо заявить какъ можно скорѣе свою личную, твердую волю, писалъ, что народъ (?) кричитъ о Мраморномъ дворцѣ (злостный, завѣдомо-лживый намекъ на вел. кн Конст. Ник.), писалъ, что надо думать о безопасности“; въ отвѣтъ

„получено простое слово“ благодарности, „но воли не видно“,—т. е. не видно желанія взять въ руководители К. П Побѣдоносцева. „Вы видите положеніе, — продолжаетъ онъ.—Что тутъ дѣлать? Душа моя преисполнена опасеній и подозрѣній. Сегодня былъ выносъ въ церковь. Душа болитъ, когда видишь эту толпу сановниковъ и чиновниковъ, безчувственную, пошлую, — страшно сказать, подлую“. Однако, онъ больше всего боится, что эта „безчувственная, пошлая толпа“ сановниковъ потеряетъ когда-нибудь право безконтрольно распоряжаться дѣлами государства и перестанетъ выдвигать изъ своей среды отдѣльныхъ счастливцевъ, призванныхъ руководить властью.

„При покойномъ Государѣ — пишетъ онъ далѣе—было уже три засѣданія о какомъ-то совѣщательномъ собраніи: одно въ Зимнемъ и два въ Аничковскомъ дворцѣ. Я не участвовалъ Цесаревичъ не заявлялъ возраженій, но сказалъ Л.-Меликову сообщить мнѣ протоколъ.. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что по этой стезѣ пойдутъ. Никто не хочетъ вступить въ борьбу Власть извѣрилась, измочалилась; всѣ стали не мужчины, а „сердцемъ хладные скопцы“.

Станутъ твердить какъ уже твердятъ сегодня газеты: надо устроить громоотводъ для личной безопасности и безотвѣтственности власти. Для власти ослабѣвшей нравственно. Это дьявольское слово соблазна. Надо быть мужемъ силы и разума, чтобы не послушать его.. Я не могу освободиться отъ трепета и опасеній всякаго рода. Новому царю опасность грозитъ отовсюду. „Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи“.. Сохрани, Господи, вѣчную сироту свою, несчастную Россію!“

Ужасъ охватываетъ Побѣдоносцева при мысли, что какіе-то выборные представители русскаго народа удостоятся призыва къ участію въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ, наравнѣ съ „безчувственною, пошлою и—страшно сказать—подлою толпою“ сановниковъ и чиновниковъ. „Что *съ нами* будетъ?“ — восклицаетъ онъ. Неужели эта придворная толпа ослабѣетъ и допуститъ устройство предположеннаго совѣщательнаго собранія? Это было бы гибелью для несчастной Россіи... „Нетерпѣніе взяло меня,—разсказываетъ онъ,—и я написалъ Государю большое письмо. Мой планъ—между прочимъ объявить Петер-

бургъ на военномъ положеніи, перемѣнить людей и затѣмъ оставить Петербургъ, это проклятое мѣсто, покуда очистится,— уѣхать въ Москву, если нельзя дальше. Совѣсть моя не терпитъ молчать. Кого онъ спрашиваетъ? Съ кѣмъ онъ совѣтуется?". Почему не обращаются къ испытанному защитнику самодержавія, К. П. Побѣдоносцеву, и не удаляютъ другихъ совѣтниковъ, приверженцевъ какихъ-то улучшеній въ государственномъ строѣ?

Какъ извѣстно, 17 февраля 1881 года императоръ Александръ II одобрилъ скромный проектъ „привлеченія мѣстныхъ дѣятелей къ совѣщательному участію въ изготовленіи центральными учрежденіями законопроектовъ по тѣмъ вопросамъ, которые признаны будутъ Высочайшей волей подлежащими разрѣшенію, въ видахъ развитія и усовершенствованія Высочайше предначертанныхъ преобразованій". Рѣшено было образовать „общую коммиссію" изъ свѣдущихъ лицъ и представителей разныхъ вѣдомствъ, мѣстныхъ дѣятелей по выбору отъ земствъ и городовъ и по назначенію отъ правительства, съ тѣмъ чтобы на обсужденіе этой коммиссіи передавались, по Высочайшему повелѣнію, со-

ставленные подготовительными коммиссіями законопроекты, предварительно внесенія ихъ установленнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ. „Работы общей коммиссіи—сказано было въ оффиціальномъ докладѣ объ этомъ проектѣ—имѣютъ значеніе совѣщательное. Учрежденіемъ ея не измѣняется существующій нынѣ порядокъ возбужденія законодательныхъ вопросовъ и окончательнаго ихъ обсужденія. Разсмотрѣнные коммиссіею законопроекты вносятся законнымъ порядкомъ въ государственный совѣтъ подлежащими министрами, съ изложеніемъ и собственнаго заключенія министра"

И этотъ невинный проектъ предварительнаго земско-бюрократическаго совѣщанія по законодательнымъ вопросамъ, возбуждаемымъ министрами и разрѣшаемымъ государственнымъ совѣтомъ, при руководящемъ участіи тѣхъ же министровъ,—выставляется К. П. Побѣдоносцевымъ какъ опасное посягательство на священныя историческія основы русской государственности! Нужно было запугать Государя „конституціею" и явиться предъ нимъ въ качествѣ единственнаго убѣжденнаго и рѣшительнаго охранителя престола

и самодержавія,—и оберъ-прокуроръ синода отлично сыгралъ эту роль въ историческомъ засѣданіи совѣта министровъ, подъ предсѣдательствомъ Государя, 8 марта: онъ сразу выбилъ изъ сѣдла всѣхъ своихъ коллегъ по министерству и создалъ для себя совершенно особое, исключительное положеніе на все время новаго царствованія

Когда до него дошла очередь говорить, онъ неожиданно произнесъ громовую рѣчь, въ которой далъ волю своему напускному негодованію по поводу проекта, знаменующаго „конецъ Россіи". Дѣло идетъ будто бы не о созывѣ экспертовъ, не о приглашеніи людей, знающихъ народную жизнь, для лучшей разработки законодательныхъ проектовъ,—„нѣтъ, въ Россіи хотятъ ввести конституцію, и если не сразу, то по крайней мѣрѣ сдѣлать къ ней первый шагъ". „А что такое конституція? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ западная Европа. Конституціи, тамъ существующія, суть орудія всякой неправды, источникъ всякихъ интригъ",—и вмѣсто „безчувственной, пошлой толпы" высокопоставленныхъ чиновниковъ, заправляютъ государствомъ люди, не со-

стоящіе даже въ чинѣ таѣнаго совѣтника, какъ напр. „честолюбецъ Гамбетта“ во Франціи „Вотъ къ чему можетъ вести конституція,—заявлялъ Побѣдоносцевъ:— Намъ говорятъ что нужно справляться съ мнѣніемъ страны черезъ посредство ея представителей; но развѣ тѣ люди, которые явятся сюда для соображенія законодательныхъ проектовъ, будутъ дѣйствительными выразителями мнѣнія народнаго? Я увѣряю, что нѣтъ Они будутъ выражать только личные свои взгляды“,—тогда какъ намъ важно знать только взгляды начальства, которое, конечно, лучше знаетъ народныя нужды, чѣмъ самъ народъ или его выборные представители. Все зданіе государства держится на „неограниченномъ взаимномъ довѣріи и тѣсной связи между народомъ и его Царемъ“, а потому надо держать народъ подальше отъ престола и его вѣрныхъ слугъ, не подпускать его близко къ государственнымъ дѣламъ, не оказывать ему никакого довѣрія даже въ его собственныхъ нуждахъ и потребностяхъ. „Народъ нашъ есть хранитель всѣхъ нашихъ доблестей и добрыхъ нашихъ качествъ; многому можно у него поучиться!“—а всѣ его бѣд-

ствія происходятъ отъ того, что ему „дана свобода, но не устроено надъ нимъ надлежащей власти, безъ которой не можетъ обойтись масса темныхъ людей". Добродѣтельный нашъ „бѣдный народъ, предоставленный самому себѣ и оставшійся безъ всякаго о немъ попеченія, сталъ пить и лѣниться въ работѣ, а потому сталъ несчастной жертвой цѣловальниковъ, кулаковъ, жидовъ и всякихъ ростовщиковъ"; онъ можетъ опять сдѣлаться работоспособнымъ и достигнуть процвѣтанія не иначе какъ подъ строгой опекой „безчувственной, пошлой толпы" чиновныхъ карьеристовъ Сановная толпа, тѣснымъ кольцомъ окружающая престолъ, воплощаетъ собою живую „связь русскаго царя съ его народомъ", а выборные представители земства и народа только разстраивали бы эту драгоцѣнную связь. Всѣ новыя учрежденія, введенныя при императорѣ Александрѣ II,—земскія, городскія и судебныя,—суть только зловредныя говорильни, въ которыхъ дѣйствуютъ лишь „люди негодные, безнравственные, предающіеся разврату" и т. д.; затѣмъ создана „самая ужасная говорильня",—печать, въ видѣ „негодныхъ, ничего не стоющихъ

журналовъ", разносящихъ во всѣ концы Россіи „хулу и порицаніе на власть", которая, по отзыву самого оратора, олицетворяется „безчувственною, пошлою и— страшно сказать —подлою толпою" сановниковъ и чиновниковъ. Все русское общество, сверху до низу, никуда не годится, и не слѣдуетъ ни разговаривать съ нимъ, ни позволять ему высказываться; благо отечества—единственно лишь въ молчаливыхъ правительственныхъ канцеляріяхъ, да и тѣ совершенно негодны и выдвигаютъ только искательныхъ Никандровъ. Поэтому преступно и думать объ учрежденіи „новой верховной говорильни" по иноземному образцу...

Рѣчь К. П. Побѣдоносцева, составленная сплошь изъ невѣроятныхъ парадоксовъ, грубыхъ софизмовъ, злостныхъ обвиненій, недомолвокъ и противорѣчій, но уснащенная надлежащими патетическими фразами, произвела ожидаемый эффектъ и побудила министровъ тутъ же заговорить объ отставкѣ *). „Я поспѣшилъ уйти, какъ только кончилось,—пишетъ онъ Тютчевой

*) Приблизительный текстъ рѣчи напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ", 1907, кн V (перепечатка изъ журнала „Былое", 906, кн. I).

11 марта,—съ тѣхъ поръ я не видѣлъ Государя и ничего не знаю". Этой тактики онъ неизмѣнно держался до конца жизни; онъ выступалъ только въ нужные критическіе моменты, оказывалъ свое вліяніе, спасалъ отечество и отходилъ въ сторону, въ полной увѣренности, что за нимъ остается репутація незамѣнимаго совѣтника для самыхъ важныхъ и трудныхъ обстоятельствъ внутренней политики Въ текущія правительственныя дѣла другихъ вѣдомствъ онъ не вмѣшивался и всегда имѣлъ возможность говорить: я ничего не знаю и ни въ чемъ не участвую внѣ предѣловъ своего вѣдомства. Онъ былъ и старался быть общимъ вдохновителемъ высшей власти, но вовсе не желалъ быть отвѣтственнымъ за разные грѣхи и недостатки управленія. Въ данномъ случаѣ онъ однако не скоро успокоился, такъ какъ вопросъ былъ только отложенъ, но не разрѣшенъ; онъ не былъ увѣренъ въ прочной побѣдѣ и потому обнаруживалъ нервность. „Когда бы самъ я почуялъ силу,—писалъ онъ 13 марта,—не былъ бы и нервенъ". Задача заключалась именно въ томъ, чтобы пріобрѣсть силу и прочно укрѣпить ее за собою; другихъ цѣлей и

побужденій у него не было. Сила прибывала къ нему; „ко мнѣ—говоритъ онъ 24 марта—Государь показываетъ довѣріе и расположеніе; 18-го числа написалъ мнѣ записку, просилъ придти въ два часа—поговорить. Говорили цѣлый часъ, 20-го числа онъ написалъ мнѣ еще“...

Въ Гатчинѣ происходило 21 апрѣля новое засѣданіе, безъ опредѣленнаго результата; на другой день,—какъ сообщаетъ онъ Тютчевой въ письмѣ 29 апрѣля,—Побѣдоносцевъ принялся по секрету сочинять манифестъ для Государя. „Я знаю,—поясняетъ онъ, — что онъ самъ хотѣлъ этого и говорилъ министрамъ; но они возражали, что не нужно, что надо подождать. Третьяго дня я кончилъ и остался доволенъ. Взвѣсилъ каждое слово. Вчера отправилъ къ нему съ объяснительнымъ письмомъ, убѣждая не совѣтоваться ни съ кѣмъ и издать манифестъ въ Петербургѣ в ь день парада. Въ три часа ночи приносятъ телеграмму. Государь пишетъ, что вполнѣ доволенъ проектомъ и зоветъ пріѣхать въ два часа.. Вечеромъ собрали насъ къ Лорисъ-Меликову на совѣщаніе. Пріѣхалъ Набоковъ и привезъ извѣстіе о манифестѣ. Оно поразило министровъ

какъ громомъ. Никто не зналъ". Спрашиваютъ: что это значитъ? Кто писалъ? „Я отозвался, сказавъ, что писалъ по приказанію (?) Государя. Положеніе было тяжкое. Я чувствовалъ, что меня проклинаютъ... Я вскорѣ ушелъ... Я долго не могъ заснуть. Думалъ—и ни въ чемъ не могу упрекнуть себя".

Дѣло сдѣлано чисто; цѣль достигнута: въ основномъ государственномъ вопросѣ принято было окончательное рѣшеніе, „не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ", кромѣ К. П Побѣдоносцева. Оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода могъ спокойно, до конца своихъ дней, занимать свое властное положеніе, взирая съ скептическимъ равнодушіемъ на разрушительныя послѣдствія насажденной и охраняемой имъ „великой отечественной лжи". Нигилистъ въ душѣ, онъ съ своей высокой оффиціальной позиціи отрицалъ все, кромѣ власти,—и не признавалъ другихъ носителей власти, кромѣ самого себя. Ему чужды были всякіе помыслы о народѣ и народныхъ интересахъ; правда и справедливость были для него пустыми звуками; онъ никогда не задумывался надъ положеніемъ и судьбою родной страны; онъ презиралъ свою

собственную націю, презиралъ общественное мнѣніе, науку и литературу, признавалъ религію только какъ обрядность и какъ орудіе тайной полиціи, и далеко не уважалъ того, въ комъ долженъ былъ видѣть единственное высшее олицетвореніе Россіи. Непочтительныя слова о „бѣдномъ ошеломленномъ ребенкѣ“, о „растерянномъ человѣкѣ“, не знающемъ куда идти и кого слушаться, достаточно характерны сами по себѣ; въ перепискѣ съ Тютчевой у него срывается съ пера даже такая фраза, что министры, пытавшіеся увлечь монарха на путь необходимыхъ реформъ, „сразу почли его за куклу или за...“ (подлинное выраженіе мы не рѣшаемся перепечатать),—какъ будто подчиненіе одностороннему вліянію Побѣдоносцева было болѣе почетно и разумно, чѣмъ принятіе программы другихъ министровъ и совѣтниковъ того времени. Но бездушные и злобные циники всегда имѣли наибольше шансовъ успѣха при старомъ режимѣ, независимо отъ личныхъ качествъ, наклонностей и стремленій государей.

Князь В. П. Мещерскій.

I.

Неутомимый обличитель крамольныхъ идей, ярый защитникъ безграничнаго самовластья во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ, издатель „Гражданина“ гораздо проще смотритъ на жизнь, чѣмъ К. П. Побѣдоносцевъ. Онъ не философствовалъ о задачахъ государства и правительства, не вдавался въ разсужденія о конституціи и парламентаризмѣ, не доказывалъ превосходства истинно-русскихъ историческихъ началъ предъ западно-европейскими, и не запутывался въ противорѣчіяхъ между теоріей и практикой, между общими принципами и реальною дѣйствительностью. Онъ твердо зналъ разъ навсегда, что граж-

данскія права, народные интересы и народное представительство не существуютъ и не должны существовать для истинныхъ патріотовъ своего отечества, и что послѣднимъ живется хорошо только при безраздѣльномъ господствѣ крѣпкой, ничѣмъ не ограниченной административной власти.

Но князь В. П. Мещерскій — не только охранительный публицистъ и издатель „Гражданина"; онъ также авторъ повѣстей и романовъ изъ великосвѣтскаго быта, и, какъ наблюдательный беллетристъ, онъ невольно изображалъ внутреннее ничтожество того правящаго круга, который всецѣло и исключительно заправлялъ судьбами Россіи. Въ своихъ романахъ онъ безсознательно раскрывалъ дѣйствительную сущность дворянской бюрократіи и ядовито высмѣивалъ тѣ консервативные принципы и шаблоны, которые съ такимъ неустаннымъ усердіемъ защищались имъ въ публицистикѣ.

„Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ" и „Графъ Обезьяниновъ на новомъ мѣстѣ" — чрезвычайно рѣзкія и откровенныя сатиры на излюбленный старый режимъ князя Мещерскаго. Оба „фантастическіе раз-

сказа“ связаны единствомъ сюжета и составляютъ въ сущности одно цѣлое.

Дѣйствующими лицами романа являются наиболѣе яркіе выразители реакціонно-охранительныхъ стремленій, овладѣвшихъ вліятельною частью русскаго общества съ начала семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и нашедшихъ себѣ постоянный органъ въ „Гражданинѣ“. „Начальническая“ дѣятельность графа Обезьянинова не можетъ считаться всецѣло продуктомъ творческой фантазіи; въ его лицѣ представленъ наглядный примѣръ несообразностей, къ которымъ приводитъ на практикѣ послѣдовательное примѣненіе политическихъ рецептовъ, неуклонно излагаемыхъ въ консервативной печати.

Романъ князя В. Мещерскаго не нуждается въ особомъ критическомъ разборѣ. достаточно напомнить его содержаніе и привести изъ него нѣсколько назидательныхъ сценъ, чтобы отдать справедливость сатирическому замыслу автора.

II.

Графъ Иванъ Обезьяниновъ считалъ себя призваннымъ къ роли правительствен-

наго дѣятеля, „потому, что былъ очень недуренъ собою, воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ военно-учебныхъ заведеній, имѣлъ отъ роду 34 года, подъ судомъ и слѣдствіемъ никогда не находился, за исключеніемъ тѣхъ двухъ разъ, когда онъ попалъ подъ полуслѣдствіе за разбитыя, въ веселомъ видѣ, стекла на улицѣ въ домѣ такомъ-то и такомъ-то". въ области политики онъ любилъ разсуждать о разныхъ вещахъ, мало ему знакомыхъ; „всякаго, кто слишкомъ много говорилъ о земствѣ, онъ называлъ, самъ не зная почему, либераломъ" Получивъ назначеніе въ провинцію, на постъ камаринскаго начальника, онъ отправился къ правителю канцеляріи и имѣлъ съ нимъ слѣдующій діалогъ:

...Скажите, пожалуйста, вы должны это знать: что это, вообще, большая страна— Камарино?

— Да вотъ, взгляните на карту...

Графъ подошелъ очень ловко къ картѣ и началъ искать Камарино то наверху, то внизу, то на западѣ, пока Любакинъ, подойдя, не указалъ ему пальцемъ на Камарино, сказавъ: „вотъ".

— А, вотъ оно, что же, оно не очень большое!—замѣтилъ графъ.

— Да, не очень большое, но дѣла много.

— Тамъ, говорятъ, того... земство вообще довольно... много себѣ позволяетъ. У меня тамъ есть большое имѣніе,—вѣдь я собственно потому и принялъ; я тамъ никогда не былъ, но управляющій мнѣ мой пишетъ, что они чортъ знаетъ какіе выдумали разные налоги... подати..

— То-есть вы хотите сказать, земскія повинности?

— Ну, да, повинности, — по моему, это все равно, налоги, повинности, l'impot en général, я вообще удивляюсь, какъ это можно, чтобы какое-нибудь земство назначало повинности... Скажите, пожалуйста, вотъ вы должны это знать,—мнѣ кажется, что слѣдовало бы на этотъ счетъ принять какія-нибудь мѣры...

— То-есть какъ?

— То-есть, напримѣръ, я полагалъ бы, что мнѣ слѣдовало бы въ особенности этимъ заняться поэнегричнѣе.

— Ну, я бы вамъ не совѣтовалъ, графъ, тѣмъ болѣе что...

— Нѣтъ, извольте видѣть, я долженъ вамъ сказать, что прежде чѣмъ гого.. принять это мѣсто, я немного занимался политикою, и признаться долженъ, что я сдѣлалъ себѣ во всемъ рѣшительно идеаломъ—Бисмарка! Вотъ человѣкъ, какой намъ нуженъ! Желѣзная воля, геніальный умъ...

Уходя отъ правителя канцеляріи, графъ вдругъ вспомнилъ что-то и вновь заговорилъ:

— А, да, вотъ еще, извините, я позабылъ еще очень важный вопросъ: скажите, пожалуйста, вѣдь у насъ есть особые законы о земствѣ, не правда ли,—гдѣ бы ихъ достать? И потомъ, мнѣ бы хотѣлось, знаете, достать какія-нибудь книги и вообще о Россіи, объ администраціи...

— Насчетъ земства есть, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, особое положеніе...

— А, да, знаю, знаю! Это я читалъ, но я .. того.. хотѣлъ бы знать насчетъ повинностей .. есть что-нибудь?..

— Да, во-первыхъ, въ самомъ положеніи вы найдете..

— А. да, правда ... я позабылъ; я, знаете, читалъ очень скоро...

Графъ вышелъ, думая про себя: au fond c'est un rouge que ce monsieur. А когда надѣвалъ шинель, онъ сказалъ мысленно: однако же, чортъ возьми, есть какія-то положенія, а я совсѣмъ и не подозрѣвалъ, надо узнать...

Не имѣя еще понятія о дѣлахъ и задачахъ управленія, новый камаринскій начальникъ, однако, заранѣе установилъ точную программу своей дѣятельности; онъ рѣшилъ „устроить хорошую пожарную команду, истребить нищенство, заняться тюрьмою,—если можно, завести газъ по всему городу, и вообще прижимать всякія земства и тому подобные элементы“; затѣмъ „въ мелочи, детали и дрязги адми-

нистраціи не входить, все это предоставить вице-начальнику и правителю канцеляріи, а самому только всѣмъ дирижировать, заниматься главнѣйшими только дѣлами и вообще руководить духомъ Камарина"...

— Мое главное назначеніе,—говорилъ онъ,—поднять и усилить власть администраціи, которая очень распущена.

— Да помилуйте, графъ,—возражалъ правитель его канцеляріи,—да какъ же вы подымете власть администраціи вообще, если вы не будете входить именно въ подробности и изучать?

— Какъ?! Очень просто, я устрою отличную систему полиціи, у меня будутъ все честные и порядочные люди, черезъ нихъ я буду все изучать, вотъ вамъ и все.

— Да, ну, если такъ,— такъ по вашему, что администрація, что полиція—все равно?

— Все равно!

— Ну, а съ земствомъ какъ же вы будете ладить,—тутъ вѣдь ваша полиція ни при чемъ?

— Ну, съ земствомъ, батюшка, не трудно ладить, буду его держать въ ежовыхъ рукавицахъ, вотъ вамъ и все...

— Да вѣдь, чтобы держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, надо знать и отлично знать дѣло, помилуйте, графъ...

— Ну, нѣтъ: учиться—это прекрасная вещь въ теоріи, а на дѣлѣ, гдѣ тутъ при-

кажете еще учиться, когда не хватаетъ даже времени на то, чтобы заниматься главными вопросами. Россія, батюшка мой, такое государство, гдѣ надо намъ не ученыхъ, а умныхъ людей...

Въ дѣйствительности графу Обезьянинову не нужно было быть ни знающимъ, ни умнымъ человѣкомъ, чтобы оказаться на высотѣ положенія. Въ Камаринѣ ему былъ подготовленъ торжественный пріемъ; полиціймейстеръ Перепентьевъ „возвѣстилъ ему, что городское общество не знаетъ, можетъ ли оно дерзнуть поднести графу, въ ознаменованіе его пріѣзда, три тысячи рублей на устройство стипендіи имени графа въ гимназіи, и что вообще восторгъ въ городѣ такой, что просятъ позволенія устроить иллюминацію". На улицѣ, куда графъ вышелъ погулять, все было необыкновенно чисто; „у подъѣзда присыпано песочкомъ, полицейскіе почти напоминали петербургскихъ по структурѣ и нарядности, а въ довершеніе пріятной картины, всѣ дома въ окрестностяхъ дома графа и многіе изъ домовъ Большой улицы украшены были флагами"...

Графъ былъ очень доволенъ усердіемъ полиціймейстера и возъимѣлъ высокое

мнѣніе объ его заслугахъ; „а загляни онъ въ арестантскую парфентьевской части, именно въ это прекрасное утро, онъ увидѣлъ бы тамъ, что въ теченіе этой ночи забраны были шесть человѣкъ челобитчиковъ, намѣревавшихся подать графу жалобу на того же Перепентьева, и трое изъ мирныхъ гражданъ, по дѣлу о сопротивленіи и буйствѣ при предложеніи изъявить всеобщую радость по случаю благополучнаго пріѣзда и вступленія въ должность его сіятельства Но графъ не заглянулъ, и акціи Перепентьева въ одно это утро значительно поднялись".

Начальникъ вполнѣ вошелъ въ свою роль; мелочи и дрязги административной практики для него не существовали, — онъ ихъ не видѣлъ и не зналъ, такъ какъ интересовался только высшими соображеніями. При представленіи ему мѣстныхъ чиновъ и сословій, онъ сказалъ эффектную рѣчь, въ которой выразилъ рѣшимость быть твердымъ и непоколебимымъ въ борьбѣ съ тайными недоброжелателями „администраціи, то-есть правительства вообще"

„Я, господа, — заявилъ онъ, между прочимъ, — первый уважаю свободу, но я не

могу позволить, чтобы эта свобода была неблагонадежная или неблагонамѣренная. На мнѣ лежитъ, господа, обязанность объяснять, какую свободу я могу одобрять, а потому прошу васъ обращаться всегда ко мнѣ, а не слушать тѣхъ, которые среди васъ (здѣсь графъ невольно устремилъ взглядъ на земскую группу) думаютъ о свободѣ разныя небылицы и сбиваютъ съ толку общество". Особенно онъ подчеркнулъ необходимость смотрѣть на него, какъ на „главнаго хозяина и блюстителя порядка благоустройства и благочинія"

„А вы, господа члены земства,—продолжалъ онъ,—я надѣюсь, тоже поймете, что я здѣсь одинъ хозяинъ, и что никому, кромѣ меня, я не позволю у себя въ Камаринѣ хозяйничать; впрочемъ, я увѣренъ, что мнѣ не нужно вамъ это напоминать, такъ какъ, по всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я имѣю до сихъ поръ, вы вели себя благоразумно; повторяю только мою просьбу— не слушать тѣхъ, которые хотятъ среди васъ играть роль и ссорить васъ со мною..."

Почему же и во имя чего онъ въ такомъ рѣзкомъ наставительномъ тонѣ обращался къ людямъ, съ которыми не имѣлъ еще никакихъ столкновеній? Что онъ разумѣлъ

вообще подъ управленіемъ? Какія мысли связывалъ онъ съ своимъ положеніемъ хозяина края?

„Съ нимъ происходило многое, —говоритъ авторъ,—но самъ онъ не производилъ ничего, потому что въ немъ ничего не было; а если въ немъ ничего не было, то вопросъ: что значитъ управлять, что значитъ начинать управленіе, — какъ вопросъ съ содержаніемъ, съ глубокимъ внутреннимъ смысломъ, и притомъ жизненнымъ, — не могъ даже родиться въ умѣ графа". Камарино вообще являлось ему въ какомъ-то неопредѣленномъ видѣ—„смѣсью полей, домовъ и людей, низко кланяющихся"; земство олицетворялось для него въ предсѣдателѣ управы, „а такъ какъ фигура предсѣдателя земской управы ему не нравилась, потому что этотъ предсѣдатель ему, графу, не воздавалъ поклоненія, то и все земство графу было антипатично; а такъ какъ, напротивъ, дворянство и чиновничество согласились ему дать обѣдъ, то графъ считалъ и это дворянство и это чиновничество весьма важными частями государства".

На первыхъ порахъ графъ Обезьяниновъ имѣлъ около себя дѣльнаго и чест-

наго человѣка, который, въ качествѣ правителя канцеляріи, удерживалъ его отъ ложныхъ шаговъ и не стѣснялся откровенно высказывать ему свои мнѣнія; но разумные совѣты Ивана Ѳомича были крайне непріятны для графа и возбудили энергическое противодѣйствіе со стороны другихъ его приближенныхъ.

Чиновникъ особыхъ порученій Маклаковъ воплощалъ собою „ложь, обольщеніе, обманъ“; онъ поспѣшилъ доложить графу „о какихъ-то тайныхъ сборищахъ у предсѣдателя земской управы, гдѣ будто бы поносили его, графа, и правительство вообще, самыми ужасными словами“; на другой день онъ „ловко далъ графу понять, что Иванъ Ѳомичъ съ однимъ только предсѣдателемъ управы и познакомился; на третій день онъ сообщилъ графу, что въ городѣ много толкуютъ о вліяніи на графа Ивана Ѳомича и о томъ, что-де опасаются, что черезъ Ивана Ѳомича пріобрѣтутъ вліяніе и земскіе либеральные люди“.

Этого было достаточно „Душонка графа оскорбилась смертельно:—какъ, я буду подъ вліяніемъ, и еще кого же, земскихъ людей, — твердилъ себѣ графъ внутренно

со злостью, — я имъ покажу..., и съ этой минуты вопросъ о борьбѣ добра со зломъ былъ рѣшенъ въ пользу послѣдняго. Бѣдный Иванъ Ѳомичъ былъ, какъ говорятъ, coulé, а бѣдный графъ, освобождая себя такъ храбро изъ-подъ добраго вліянія Ивана Ѳомича, и не подозрѣвалъ даже, что онъ становился гораздо менѣе самостоятельнымъ, подпадая подъ вліяніе такого человѣка, какъ Маклаковъ, и такого начала, какъ его сплетни и разсказы. Но таковъ міръ, и таковы люди".

Маклаковъ близко сошелся съ полиціймейстеромъ Перепентьевымъ, и оба они великолѣпно устроили свои дѣла. „Перепентьевъ былъ олицетвореніемъ пошлой стороны житейской мудрости, въ мельчайшихъ оттѣнкахъ... Увидѣвъ, что графу пріятно, когда гладятъ его собаку, Перепентьевъ пришелъ къ заключенію, что кольми паче должно быть пріятно графу все то, что гладитъ и ласкаетъ его сіятельство самихъ, и наоборотъ, все, что идетъ и будетъ идти противъ графской шерсти, графу должно быть непріятно. Отсюда выводъ былъ очень простой: лесть и подлизыванье должны дѣйствовать на его сія-

тельство благотворно, а для Перепентьева выгодно. .“

Цѣлымъ рядомъ искусныхъ комбинацій обезпечено было свободное хозяйничанье нѣсколькихъ „пройдохъ“ подъ прикрытіемъ авторитета новаго начальника, считавшаго себя единственнымъ хозяиномъ края „Трудно себѣ представить — замѣчаетъ авторъ — что-нибудь пошлѣе всѣхъ этихъ удававшихся Перепентьеву коварствъ. А между тѣмъ, они случаются ежедневно и суть тѣ невидимыя сцѣпленія причинъ и событій, которыя производитъ порядокъ вещей, вдали для насъ, людей непривычныхъ, непонятный и заставляющій насъ дѣлать Богъ знаетъ какія глубокомысленныя соображенія“

Что касается общественнаго элемента, а именно дворянства, то графъ „раздѣлилъ его на двѣ неравныя половины: одну онъ назвалъ дворянствомъ или обществомъ, а другую—земствомъ. Первые были овцы, а вторые—козлища“. Такъ какъ вторые не участвовали въ угодничествѣ мѣстныхъ чиновъ, „держались вообще самостоятельно, занимались дѣлами, а не пустяками, то графъ отнесся къ нимъ недовѣрчиво и неблагосклонно, и назвалъ ихъ земствомъ,

какъ бы именемъ, означающимъ не то учрежденіе, которое существуетъ въ силу закона о земскихъ учрежденіяхъ, а что-то вообще антипатичное, антиправительственное и неблагонадежно политическое". Однимъ изъ результатовъ „людской пошлости" было то, что графъ, „осмотрѣвъ тюрьму и полицію, нашелъ ихъ недурными, несмотря на то, что онѣ были очень скверны, а затѣмъ, осмотрѣвъ земскую больницу, нашелъ ее скверною, несмотря на то, что она была хороша". О земскихъ собраніяхъ онъ получалъ черезъ своего чиновника весьма неточныя свѣдѣнія. „Вечеромъ же работящіе члены земства, тѣ же дворяне, собирались на квартиру предсѣдателя управы и до двухъ, трехъ часовъ ночи, въ потѣ лица, работали надъ каждымъ вопросомъ. Вотъ-эти-то собранія, гдѣ рѣчь шла голько о дѣлѣ и гдѣ никогда о графѣ не говорили, потому между прочимъ, что и говорить было нечего, — были представлены графу какъ тайныя, грозящія опасностью государству, политическія сходки. Графъ никакъ не могъ себѣ представить, какъ это можно цѣлые часы посвящать одному вопросу или вообще одному дѣлу, и вотъ

причина, почему онъ охотно вѣрилъ въ политическій характеръ земскихъ совѣщаній"...

Свои служебныя обязанности графъ Обезьяниновъ понималъ довольно смутно, и на дѣлѣ онъ съ самаго начала избавилъ себя отъ всякой работы. Въ первомъ своемъ донесеніи высшему начальству онъ писалъ: „вступивши въ должность, я призналъ прежде всего необходимымъ ввести тѣ реформы, которыя могутъ, по моему, содѣйствовать къ усиленію моего авторитета, какъ представителя власти" Реформы были очень простыя: онъ раздѣлилъ свои многочисленныя и многотрудныя обязанности между подлежащими лицами, съ оставленіемъ за собою только надзора и „руководства", усилилъ штатъ своей канцеляріи и полиціи, учредилъ нѣсколько новыхъ коммиссій и разослалъ грозные циркуляры ко всѣмъ подчиненнымъ мѣстнымъ властямъ; затѣмъ онъ могъ свободно заняться „женскимъ вопросомъ" при содѣйствіи услужливыхъ чиновниковъ. Общее благополучіе послѣ этого предполагалось само собою.

Сообщая въ Петербургъ объ этомъ благополучіи, нарушаемомъ только скрытой

оппозицией земскихъ и судебныхъ учрежденій, графъ прибавлялъ еще, что „крестьяне вообще пользуются большимъ благосостояніемъ, но, къ сожалѣнію, благодаря полному бездѣйствію посредниковъ и распущенной уѣздной полиціи, недостаточно исправно платятъ подати и повинности". Въ циркулярѣ къ исправникамъ онъ предписывалъ „всѣмъ и каждому, подъ страхомъ немедленнаго взысканія и увольненія, въ теченіе двухъ недѣль собрать всѣ числящіеся по уѣзду недоимки", и сверхъ того, „вообще имѣть строгое наблюденіе за духомъ и общимъ состояніемъ ввѣреннаго населенія и о всякой перемѣнѣ въ оныхъ доносить".

Когда этотъ циркуляръ былъ полученъ въ городѣ Сараховѣ, то исправникъ Иванъ Артемьевичъ рѣшилъ немедленно выѣхать въ уѣздъ для сбора недоимокъ, поручивъ письмоводителю разослать предписаніе становымъ насчетъ еженедѣльнаго донесенія о духѣ населенія „И выѣхалъ Иванъ Артемьевичъ въ уѣздъ, и прибылъ въ первое село, какъ ураганъ, какъ вихрь, нечаянно негаданно, къ общему смятенію и ужасу всего населенія, услыхавшаго роковой колокольчикъ исправнической той-

ки II началась обычная сцена экстраординарнаго взысканія недоимокъ. Появленіе старшины, объявленіе о суммѣ, подлежащей взысканію, собраніе схода, говоръ, крики, угрозы, домашняя расправа въ правленіи, увѣреніе, что нечего платить, въ отвѣтъ вѣчное „врешь“, потомъ опись, смотръ курамъ, индѣйкамъ, гусямъ, коровамъ, лошаденкамъ, назначеніе въ продажу на слѣдующій базарный день,—вотъ что начало происходить въ первомъ селѣ, и вотъ что ожидало всѣ села, гдѣ были недоимки. Иванъ Артемьевичъ былъ добрый человѣкъ; онъ зналъ, что крестьяне не могутъ заплатить, онъ вѣрилъ въ ихъ плачъ и вопль, у самого болѣла душа при видѣ горя мужичковъ, но „дѣлать нечего“,—говорилъ онъ себѣ,—„надо, надо, надо“..

Между тѣмъ, графъ невольно поддавался обычнымъ соблазнамъ властнаго положенія: ему досталась интересная молодая дама, мужъ которой нуждался въ его протекціи; въ то же время явился купецъ Митридатовъ съ предложеніемъ провести дорогу мимо имѣнія его сіятельства и взять это имѣніе въ аренду на необыкновенно выгодныхъ условіяхъ. Графъ охотно

повѣрилъ, что для государственной пользы необходимо предоставить сооруженіе желѣзной дороги Митридатову, а не земству, хлопотавшему о концессіи на ту же почти линію, — тѣмъ болѣе, что по земскому проекту дорога проходила бы въ болѣе далекомъ разстояніи отъ графскаго имѣнія. Какъ арендаторъ имѣнія, Митридатовъ выговорилъ себѣ право для производства нѣкоторыхъ работъ созывать крестьянъ при участіи полиціи, на что также послѣдовало согласіе графа

Незаконная сдѣлка съ Митридатовымъ относительно желѣзной дороги возбудила волненіе въ земскихъ кругахъ; предсѣдатель управы и три депутата отъ земства отправились къ графу и просили его оказать поддержку земскому ходатайству о концессіи, причемъ пытались объяснить важность этого проекта для цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Графъ очень сурово принялъ земскихъ дѣятелей и ясно далъ имъ понять, что интересы земства не имѣютъ для него никакого значенія:

— Мнѣ все равно, о комъ вы хлопочете—о себѣ или о земствѣ вашемъ,— я хозяинъ въ Камаринѣ, а не вы, и мнѣ, слѣдовательно, и принадлежитъ право ра-

споряжаться, но никакъ не вамъ; вотъ все, что я могу сказать.

— Но во всякомъ случаѣ позвольте васъ предупредить, графъ, насчетъ нашего конкуррента и его проекта: во-первыхъ, онъ у насъ на очень дурномъ счету, какъ человѣкъ; денегъ у него нѣтъ ни гроша; а во-вторыхъ, линія, которую онъ хочетъ строить,—не угодно ли вамъ спросить, вотъ господа помѣщики вамъ скажутъ, — при этомъ предсѣдатель управы указалъ на трехъ гласныхъ, — рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго для насъ экономическаго значенія.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ одинъ изъ гласныхъ,—напротивъ...

— Господа, еще разъ имѣю честь вамъ напомнить, что хозяинъ губерніи—это я...

— Знаемъ, ваше сіятельство,—сказалъ на это одинъ изъ гласныхъ,—но позвольте и намъ немного считать себя хозяевами губерніи, на точномъ основаніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ; вѣдь мы не съ вѣтра же говоримъ вамъ, мы вѣдь гласные, уполномоченные

— Да хоть и распроуполномоченные,—какое мнѣ дѣло! Я вамъ не мѣшаю поѣхать въ Петербургъ, хлопотать о вашей концессіи, сколько вамъ угодно, но я вамъ не позволю требовать отъ меня, чтобы я былъ вашего мнѣнія,—никогда; я обдумаю, обсужу. и буду на той сторонѣ, на которой захочу самъ,—понимаете? Для меня

въ Камаринѣ нѣтъ ни законовъ, ни приказовъ ни отъ кого; затѣмъ, очень жаль, но я ваше ходатайство уважу только тогда, когда признаю его достойнымъ правительственнаго вниманія.

При этихъ словахъ графъ всталъ, всѣ встали, и затѣмъ общій обмѣнъ холодно вѣжливыхъ поклоновъ, и одинъ за другимъ вышли господа гласные изъ кабинета его сіятельства. Когда графъ остался одинъ, онъ закурилъ папироску и, случайно взглянувъ въ зеркало, улыбнулся: ему показалось, что въ эту минуту онъ никто иной, какъ Бисмаркъ,—твердый, умный и неумолимый; а потомъ промелькнула мысль: —если я съ земствомъ умѣю справиться, то неужели устоитъ противъ меня женщина?

Какъ и слѣдовало ожидать, хлопоты графа о концессіи въ пользу купца Митридатова увѣнчались успѣхомъ, и земству было отказано въ его ходатайствѣ. Подоспѣли дворянскіе выборы, и кандидатомъ на постъ предводителя выдвинутъ былъ льстивый угодникъ Зубенко, „обратившійся въ домашнюю прислугу графа“; но старанія послѣдняго на этотъ разъ не привели къ желанной цѣли. За то сборъ недоимокъ завершился блестящимъ образомъ; отъ всѣхъ исправниковъ поступили вполнѣ утѣшительныя донесенія, и одинъ изъ нихъ,

„чтобы еще ярче засвидѣтельствовать свою благопреданность и усердную дѣятельность, прибавлялъ, что деньги имъ собраны, не смотря даже на то, что населеніе этихъ деревень было въ самыхъ, повидимому, неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ, вслѣдствіе прошлогодняго неурожая, цѣны на хлѣбъ значительно вздорожали и крестьяне лишены возможности кормить свой скотъ и пріобрѣтать хлѣбъ выгодно".

Графъ былъ очень доволенъ результатами своего управленія. онъ подписывалъ массу бумагъ и въ теченіе одного мѣсяца „предсѣдательствовалъ въ 56 засѣданіяхъ коммиссій, причемъ убиравшій послѣ засѣданій комнату сторожъ забралъ въ свою коллекцію 56 собственноручныхъ рисунковъ графа, изъ которыхъ 14 были разныя избушки и строенія, 34 женскія головки, и восемь—генеральскія фигуры въ лентахъ черезъ плечо". Закулисным руководителемъ всѣхъ дѣлъ былъ уже не Иванъ Ѳомичъ, а Маклаковъ

Очень подробно описанъ въ романѣ торжественный объѣздъ Камаринскаго края графомъ Обезьяниновымъ. Предварительно составлена была, по секретнымъ свѣдѣніямъ, характеристика всѣхъ служа-

щихъ въ уѣздахъ пищь. Объ одномъ исправникѣ сообщалось, что онъ много способствуетъ поддержанію въ народѣ духа „благочестія и благонравія вообще, но страдаетъ одною лишь слабостью — падкостью на женскій полъ, несмотря на то, что женатъ и имѣетъ семерыхъ дѣтей“; другой „занимается слишкомъ много метеорологическими и астрономическими наблюденіями, чѣмъ отвлекаетъ полицію вообще отъ присущихъ ей на землѣ обязанностей“, и сверхъ того, „страдаетъ излишествомъ въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, преимущественно спиртуозныхъ“; третій, будучи „страстно привязанъ къ азартнымъ играмъ“, отличается вмѣстѣ съ тѣмъ „излишнею набожностью и подъ предлогомъ религіозныхъ бесѣдъ вводитъ въ игру и въ соблазнъ городское духовенство“. Изъ посредниковъ нѣкоторые „лѣнивы, но надежны“; другіе „весьма кутильнаго направленія, заподозрѣны въ учиненіи поборовъ съ крестьянъ, законами не дозволенныхъ“, но „въ политическомъ отношеніи благонадежны“; третьи „неоднократно замѣчены въ тайномъ подстрекательствѣ населенія къ составленію тайныхъ обществъ подъ благовидными пред-

логами, а именно обществъ трезвости, обществъ грамотности и другихъ". Учитель исторіи „уличается въ неблагонамѣренномъ толкованіи дѣтямъ духа и смысла исторіи, преимущественно по поводу Семирамиды и Сарданапала"; другой чрезмѣрно увлекается естественными науками и проводитъ цѣлые дни въ лѣсахъ, „чѣмъ способствуетъ распространенію въ населеніи... матеріальнаго направленія, неизбѣжно отражающагося и на всемъ управленіи". Многія изъ этихъ свѣдѣній оказались совершенно фантастическими, и, руководствуясь ими, графъ впадаетъ въ рядъ забавныхъ недоразумѣній.

Графъ отправился въ путешествіе преимущественно для отдыха и развлеченія; служебныя обязанности были для него утомительны, какъ говоритъ авторъ, „главнымъ образомъ потому, что въ сущности онъ не исполнялъ изъ нихъ ни единой, а не исполнялъ потому, что ни въ одной изъ нихъ не понималъ смысла". Романъ съ интересною дамою затянулся; мужу ея доставлено хорошее мѣсто, а сама она получила отъ Митридатова сто тысячъ рублей, въ видѣ вознагражденія за устройство дѣла съ концессіею. Графъ думалъ

укрѣпить ея привязанность временной разлукою.

Во всѣ концы камаринской земли полетѣли оповѣщенія и циркуляры о предстоящемъ объѣздѣ; „единовременно по всѣмъ уѣздамъ крестьяне сотнями были согнаны на большія дороги, чистить оныя, мосты и гати, а пора была самая лучшая, самая горячая для работы въ полѣ“. Исправники писали становымъ: съ крестьянъ такой-то волости „содрали мы въ уплату недоимокъ, пожалуй, и черезчуръ много;—смотрѣть, чтобы никто жаловаться не посмѣлъ“; а съ такой-то волости „содрать до послѣдней шкуры: обязались внести, — надули прохвосты,—такъ чтобы впредь не надували, взыскать безмилосердно и представить всю сумму въ наличности ко дню графскаго пріѣзда; да настоять, чтобы хлѣбъ-соль поднесли съ безпрекословнымъ и безпрепятственнымъ радушіемъ“.

Въ уѣздѣ, гдѣ было имѣніе графа, сдѣлано было такое распоряженіе: „Если крестьяне графскаго имѣнія захотятъ жаловаться на г. Митридатова за принужденіе ихъ будто бы къ даровой работѣ по устройству мельничной плотины, то вразумить ихъ мѣрами кротости и увѣщева-

ніемъ, а если не подѣйствуетъ, то черезъ волостного старшину и волостное правленіе, не свыше, впрочемъ, мѣры, опредѣленной закономъ Чтобъ непремѣнно былъ написанъ адресъ отъ сихъ крестьянъ благодарственный, и хлѣбъ-соль, если можно, была поднесена на серебряномъ блюдѣ".

Ознакомленіе съ краемъ производилось при искусственной парадной обстановкѣ и закончилось грандіознымъ пиршествомъ въ имѣніи графа Выводы изъ сдѣланныхъ наблюденій были приготовлены заранѣе. Въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ о поѣздкѣ графъ писалъ, что „крестьянское сословіе вообще вполнѣ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи и пользуется дарованными ему правами и благодѣяніями въ полномъ, такъ сказать, размѣрѣ", а потому необходимо „упраздненіе общиннаго начала и крестьянскаго самоуправленія"; затѣмъ настоятельно требуется „значительное усиленіе губернаторской власти какъ относительно всѣхъ вѣдомствъ въ губерніи, такъ въ особенности относительно земства"; одна только полиція превосходно исполняетъ свое назначеніе и „является самымъ лучшимъ учрежденіемъ" въ краѣ; изъ мѣстныхъ же полезныхъ дѣя-

телей можно указать на „весьма отрадную личность—купца Митридатова“.

III.

Два года пробылъ графъ въ Камаринѣ; большую часть своего времени онъ проводилъ въ будуарѣ своей фаворитки, куда являлись къ нему иногда и чиновники по текущимъ дѣламъ управленія. Всякіе вопросы разрѣшались имъ необыкновенно просто, по усвоенной разъ системѣ. Приходитъ, напримѣръ, правитель канцеляріи съ вопросомъ: какъ отвѣчать на министерскую бумагу насчетъ ходатайства земства?

— А, знаю, помню: отвѣчать, какъ мы отвѣчали прежде, что по мѣстнымъ политическимъ соображеніямъ я признаю неудобнымъ согласиться съ ходатайствомъ земства,—вотъ и все ..

— Не будетъ ли это немного строго,—такъ какъ въ сущности ходатайство земства по этому предмету не противорѣчитъ никакому закону...

— Будетъ или не будетъ — мнѣ все равно,— отвѣчалъ графъ, — вы знаете очень хорошо мой коренной принципъ: на всякое ходатайство земства, пока предсѣдателемъ будетъ Калугинъ, протестъ съ моей стороны, –коротко и ясно.

„Какъ жаль“,—говорилъ потомъ графъ своей фавориткѣ,—„что у этого земства такъ мало правъ, а то бы я имъ показалъ что̀ значитъ борьба со мною, какъ съ администраторомъ, sapristi, — а такъ скучно: побѣда слишкомъ легко достается“. „Я захотѣлъ быть администраторомъ, и сдѣлался, - продолжалъ графъ,—а теперь, черезъ какихъ-нибудь два года, да я не знаю, къ какой должности я не способенъ! Я все вижу насквозь, и ужъ знаю людей, да эту глупую матушку Россію, побольше всякаго министра,—ручаюсь“.

Къ Пасхѣ графъ ждалъ награды, но ничего не получилъ и въ крайнемъ недоумѣніи уѣхалъ въ Петербургъ. Сидя инкогнито въ вагонѣ, онъ слышалъ бесѣду какихъ-то пассажировъ о невозможныхъ порядкахъ его администраціи; онъ, конечно, рѣшилъ, что эти люди—враги правительства, и „еще болѣе убѣдился въ томъ, что общественное мнѣніе—это дрянь“, и что „вся его задача, какъ администратора, въ томъ и заключается, чтобы приводить умы къ одному знаменателю—къ восхваленію администраціи въ его лицѣ“. Люди, какъ сей графъ, — поясняетъ авторъ, — „такъ уже психически сложены: „я“, а кромѣ „я“—ничего и никто. Во имя этой безсмыслицы, или, вѣрнѣе, этого помѣша-

тельства на одномъ пунктѣ, многое должно быть имъ если не прощено, то все же вмѣнено въ меньшую вину".

Въ Петербургѣ ждало героя полное разочарованіе. Высшій начальникъ, князь Павелъ, сообщилъ ему, что на него поступаютъ жалобы самыя разнообразныя и повидимому не лишенныя основанія, и что нѣкоторыя изъ нихъ компрометируютъ правительство; графъ пытался свалить вину на либераловъ, которые будто бы составили противъ него цѣлую „шайку оппозиціи", но это увѣреніе не встрѣтило сочувствія, какъ несогласное съ фактическимъ содержаніемъ жалобъ. Графъ заключилъ, что у насъ не умѣютъ еще цѣнить людей, и что ему поэтому не стоитъ служить; однако, по совѣту своего великосвѣтскаго дяди, онъ отправился къ разнымъ крупнымъ сановникамъ, постарался произвести на нихъ впечатлѣніе своими смѣлыми и рѣшительными взглядами, сдѣлалъ визитъ прелестной и могущественной графинѣ Равинской, которой всецѣло подчиненъ одинъ сановный князь,—и очутился такимъ образомъ въ положеніи директора департамента.

„Графъ Обезьяниновъ — разсуждаетъ

князь Мещерскій—не понравился своему Камарину, и было за что̀ Камарину находить своего начальника не по нраву... Графъ Обезьяниновъ не понравился своему министру, и было за что... Но за то графъ Обезьяниновъ понравился князю Семену Ивановичу, понравился графинѣ Равинской, понравился тому князю,—почему и чѣмъ—неизвѣстно, — и дѣло сдѣлалось само собою, просто и скоро. Судьба такъ захотѣла,— и конецъ".

Графу едва не помѣшала непріятная исторія, дошедшая въ это время до сената: по одному спорному дѣлу онъ остановилъ исполненіе сенатскаго указа и откровенно заявилъ, что никакого сената онъ не признаетъ, что сенатъ ему не законъ, а онъ, камаринскій хозяинъ,—„самъ себѣ законъ"; но и это недоразумѣніе уладилось благодаря покровительству того же князя.

Графъ былъ опять „на высотѣ" и небрежно излагалъ пріятелямъ свои будущія намѣренія и предначертанія, причемъ иногда былъ вынужденъ выслушивать горькія истины:

— Да въ сущности, что за департаментъ? Какія тамъ дѣла у тебя будутъ? — спро-

силъ у него одинъ изъ клубныхъ пріятелей.

— Какія?—Обыкновенно какія бываютъ въ департаментѣ дѣла. — Здѣсь графъ Обезьяниновъ призадумался. Этотъ вопросъ: „какія тамъ будутъ дѣла?“—не приходилъ еще ему въ голову ни разу, а князь ему ничего объ этомъ не говорилъ, и онъ самъ не догадался о томъ спросить князя.

— Однако, братъ, ты того—швахъ: принимаешь мѣсто, и не знаешь, что будешь на немъ дѣлать; да этакъ тебѣ, пожалуй, предложатъ азіатскія дѣла или посольство!

— Намъ нужны, братъ, не мѣста, а люди— отвѣтилъ графъ.

— Такіе, какъ ты?

— Пожалуйста, безъ личностей; человѣкъ, который себѣ не знаетъ цѣны,— дрянь и никогда не будетъ ничѣмъ.

— Ну, а человѣкъ, который слишкомъ дорого себя цѣнитъ, годенъ на что-нибудь? Признайся, вѣдь ужъ, entre nous soit dit, ты вѣдь ровно ничего не знаешь и ничего не дѣлалъ, — ужъ признавайся! А также въ политику суется!

— Желаю тебѣ сдѣлать, сколько я сдѣлалъ: два года пробыть въ провинціи— попробуй!

— Да хоть десять лѣтъ, коль ты знаешь, что кромѣ глупостей ты ничего не сдѣлаешь.

— Да говори про себя, сдѣлай милость!

— Я, батюшка мой, про себя не говорю, потому что я никуда не суюсь и никому не навязываю свою башку. Но знаешь что, Ваня, я вотъ хоть и кутить не прочь.. и ничего не дѣлаю, а все-таки, знаешь, я увѣренъ, что я полезнѣе чѣмъ ты.

— Ты?—И графъ презрительно на него взглянулъ.

— Да, я! И знаешь почему? По очень простой причинѣ: я по крайней мѣрѣ освобождаю отъ своего присутствія мое отечество, а ты—ты былъ вѣдь такой же кутила и неучъ, какъ я—ты сунешься на такія мѣста, гдѣ ты вреденъ, потому что ничего не знаешь, да еще отнимаешь эти мѣста у порядочныхъ людей,—развѣ не такъ?

— Вздоръ!—Графъ нахмурился и стряхнулъ пепелъ съ сигары на правую сторону коляски.

Наступило минутное молчаніе.

— Въ сущности, знаешь, что я тебѣ скажу,—сказалъ графъ твердымъ и серьезнымъ вдохновеннымъ голосомъ:—въ Россіи нечего требовать отъ людей знанія, и то слава Богу, когда они, какъ я, преданы правительству.

— Полно вздоръ говорить: всякій мужикъ, всякій солдатъ преданъ правительству.

— Да, безсознательно, а сознательно преданныхъ мало.

— Такъ по твоему достаточно быть преданнымъ правительству, чтобы со-

ваться на всякія мѣста такъ послѣ этого, отчего я не министръ?

— Да, всякій, когда у него въ головѣ не солома, какъ у тебя.

— А кто тебѣ сказалъ, что у тебя не солома?

Графъ замолчалъ опять

Въ должности директора департамента графъ Обезьянинов ъ продержался не болѣе трехъ дней. Онъ началъ съ того, что вызвалъ къ себѣ Маклакова и предложилъ ему мѣсто вице-директора. „Когда Маклаковъ принялъ, графъ вспомнилъ, что есть вѣдь вице-директоръ, котораго прежде вѣдь надо спихнуть, а чтобы спихнуть— надо прежде съ нимъ увидѣться“ Графъ уже „былъ предрасположенъ противъ своего вице-директора. Читатели спросятъ: „Почему,—когда онъ его даже не зналъ?“ На это отвѣтъ простой Великимъ людямъ à la графъ Обезьянинов ъ нужны малѣйшіе поводы, чтобы жаловать людей въ благонадежные и разжаловать ихъ въ неблагонадежные. Графу Обезьянинову кто-то сказалъ гдѣ-то, что онъ слышалъ что-то о какомъ-то вице-директорѣ въ какомъ-то департаментѣ его министерства“.. Объ немъ говорили, „какъ о какомъ-то феноменѣ ума и способностей, а на самомъ

дѣлѣ онъ не что иное, какъ нигилистъ". Въ умѣ графа послѣ этихъ словъ „сложилось почти цѣльное представленіе о своемъ департаментѣ, какъ о сборищѣ нигилистовъ, которое нужно пообчистить, и порядкомъ пообчистить. Ничто такъ не улыбалось графу, какъ мысль о предстоящемъ ему процессѣ пообчищенія du personnel своего департамента".

При вступленіи въ должность онъ высказалъ подчиненнымъ свои общіе принципы, заключающіеся прежде всего въ требованіи безусловнаго повиновенія: „У васъ, напримѣръ, принято курить въ департаментѣ,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято носить бороды и какое угодно платье,—я прошу, чтобы этого не было; у васъ принято, какъ я слышалъ, чтобы начальники отдѣленій имѣли свои мнѣнія и высказывали ихъ свободно, — я прошу, чтобы этого не было. А тотъ, кто хочетъ имѣть свои мнѣнія, можетъ служить, гдѣ ему угодно, только не у меня".

Вице-директора онъ призывалъ къ себѣ на домъ, но безуспѣшно, и затѣмъ при первомъ свиданіи въ департаментѣ объяснилъ ему, что смотритъ на него какъ на вѣрнаго исполнителя тѣхъ высшихъ со-

ображеній, которыя онъ, графъ, имѣетъ въ виду осуществлять на этомъ мѣстѣ. Онъ сразу принялъ такой рѣзкій и высокій тонъ, что вице-директору оставалось только предложить свою отставку „Я вице-директоръ не вашъ, а департамента, — отвѣтилъ графу обиженный „исполнитель“,— я исполняю не ваши распоряженія, какъ бы высоки они ни были, а ту часть дѣлъ, которая на меня будетъ вами возложена по департаменту, я исполняю ихъ подъ своею, а не вашею отвѣтственностью. Что же касается нашихъ чиновниковъ, то полагаю, что вы имѣете право отъ нихъ требовать только одного—исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей; мнѣній же своихъ въ департаментѣ, какъ учрежденіи бюрократическомъ, они по дѣламъ имѣть не могутъ“

Въ результатѣ вышло нѣчто въ родѣ департаментскаго кризиса: всѣ высшіе чиновники, начиная съ вице-директора, просили уволить ихъ отъ службы при новомъ директорѣ, и кризисъ разрѣшился удаленіемъ самого графа Обезьянинова. Графъ уѣхалъ за границу, въ ожиданіи лучшихъ временъ; въ Висбаденѣ онъ съ дядей критикуетъ ходъ дѣлъ въ Петербургѣ, и дядя

въ утѣшеніе говоритъ племяннику: „я предчувствую, что твое время близко“... Этими словами кончается романъ.

IV

Продолженіе „Одного изъ нашихъ Бисмарковъ“, подъ заглавіемъ: „Графъ Обезьянновъ на новомъ мѣстѣ“, переноситъ насъ въ высшія петербургскія сферы, гдѣ вырабатывается текущая политика страны.

Проведя нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи, въ заграничныхъ курортахъ и въ отечественныхъ салонахъ, графъ Обезьянновъ не переставалъ разыгрывать изъ себя государственнаго человѣка, призваннаго водворить порядокъ въ русскихъ умахъ и дѣлахъ; онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ момента, когда къ нему вновь обратятся и предоставятъ ему подобающее мѣсто Возникшее тогда славянское движеніе утвердило въ немъ вѣру въ свое призваніе; ему казалось, что онъ одинъ способенъ потушить разгорѣвшійся въ русскомъ обществѣ опасный политическій пожаръ, угрожавшій, по его мнѣнію, не только миру Европы, но и прежде всего авторитету правительства. Графъ искренно воз-

мущается тѣмъ, что какія-то частныя лица самовольно волнуются по поводу турецкихъ звѣрствъ и вмѣшиваются въ иностранную политику, подлежащую исключительному завѣдыванію дипломатіи; онъ находитъ нѣчто ненормальное въ самомъ фактѣ публичнаго проявленія какихъ-то народныхъ чувствъ, которыя только повидимому направлены противъ Турціи, а въ сущности подкапываются подъ основы всего существующаго порядка. Онъ настойчиво повторяетъ всѣмъ и каждому, что необходимо принять крутыя мѣры для скорѣйшаго прекращенія славянской и всякой иной пропаганды; его взгляды встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку среди вліятельныхъ салонныхъ дѣятелей, озадаченныхъ ростомъ добровольческаго движенія, и графу Обезьянинову удается получить полномочіе для изслѣдованія „народнаго духа“ на мѣстѣ, въ Москвѣ и въ провинціи, съ цѣлью выработки соотвѣтственныхъ способовъ обузданія.

Графъ проектируетъ организацію особаго высшаго наблюдательнаго учрежденія, подъ главнымъ его начальствомъ, съ обширными штатами чиновниковъ; штаты и оклады вызываютъ финансовыя возраженія

со стороны руководителя компетентнаго вѣдомства, за что этотъ сановникъ зачисленъ въ красные авторомъ проекта. Благодаря родственнымъ связямъ и при содѣйствіи очаровательной княжны, невѣсты графа, дѣло улаживается, и планъ осуществляется въ болѣе скромныхъ размѣрахъ; Обезьяниновъ становится фактическимъ „президентомъ“ новой коммиссіи, устраивается въ роскошномъ оффиціальномъ помѣщеніи и собирается дѣйствовать въ духѣ своей программы. Предварительная краткая поѣздка въ Камарино даетъ ему матеріалъ для соображеній о главнѣйшихъ реформахъ. требуемыхъ для спасенія Россіи; во главѣ этихъ реформъ должно стоять превращеніе провинціальныхъ начальниковъ (или, по терминологіи автора, градоначальниковъ) въ полновластныхъ „пашей“. Графъ предлагаетъ „объединить и сдѣлать всемогущею власть градоначальника, подчинить ему всѣ вѣтви мѣстной администраціи безъ исключенія“; „изъ каждаго градоначальника вездѣ сдѣлать диктатора относительно борьбы со всѣми проявленіями русскаго народнаго духа“, и „создать вокругъ этого градоначальника провинціи дворъ со всѣми его престижами“.

Попутно являются у графа и другія болѣе общія мысли; такъ, подъ вліяніемъ разговора съ одною французскою кокоткою, онъ намѣчаетъ рядъ предположеній и мѣропріятій, которыя предстоитъ еще обдумать: „вернуться къ старой мысли объ общей неблагонадежности тайныхъ совѣтниковъ, изслѣдовать вопросъ объ усиленіи увеселительныхъ элементовъ для молодежи; два-три театра Буффъ, уличные кафе, кафешантаны. .“ „Не выписать ли побольше француженокъ? Не облегчить ли условія кредита спеціально для молодежи? Впрочемъ, это все мѣры отрицательныя; нужны положительныя. Газетамъ перемѣнить тонъ... Вообще быть энергичнымъ и зоркимъ“.

Но, устроившись на новомъ мѣстѣ, графъ не торопился приступать къ реальной дѣятельности; онъ „уже сидѣлъ передъ столомъ, похожимъ на министерскій, на креслѣ, похожемъ на министерское, имѣлъ уже свои постоянныя petites entrées къ министрамъ,—слѣдовательно уже часть его похоти была какъ будто насыщена и успокоена“. „Графъ Обезьяниновъ — замѣчаетъ авторъ—настоящимъ Бисмаркомъ не былъ. Но за то какіе были у него ди-

ректоры отдѣловъ,—чудо просто! Все изъ клуба, все его пріятели, промѣнявшіе балетъ на тушеніе русскаго народнаго духа".

Пока графъ готовился искоренить народный духъ своими циркулярами, въ политикѣ произошли событія, приведшія къ войнѣ, и спасительная коммиссія закрылась прежде чѣмъ успѣла преобразоваться въ особое министерство по проекту Обезьянинова. Графъ опять очутился на мели, и сановный дядя уговариваетъ его заняться финансами: только въ области финансовъ можно возвыситься и достигнуть прочнаго руководительнаго поста, такъ какъ въ финансахъ никто ничего не понимаетъ. „Rira bien qui rira le dernier", отвѣчаетъ графъ Обезьянинов.

Дальнѣйшая судьба графа Обезьянинова неизвѣстна; но, судя по многимъ признакамъ, онъ пользовался большимъ авторитетомъ въ высшихъ сферахъ, гдѣ успѣшно проводилъ свои любимыя идеи о „всемогуществѣ" провинціальныхъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, о вредѣ земства и общественнаго мнѣнія, о необходимости суровой диктатуры, объ исключительныхъ и военныхъ положеніяхъ, объ усиленныхъ и чрезвычайныхъ охра-

нахъ; одно время онъ считался даже серьезнымъ кандидатомъ въ диктаторы.

Несомнѣнно, что авторъ романа относится отрицательно къ типу графа Обезьянинова; онъ постоянно подчеркиваетъ его надменную пустоту, его круглое невѣжество, соединенное съ непоколебимымъ самомнѣніемъ, его сухой эгоизмъ и тщеславіе. Тѣмъ не менѣе графъ Обезьянинов выступаетъ какимъ-то орломъ среди массы ничтожныхъ свѣтскихъ и чиновныхъ личностей, бѣгло обрисованныхъ авторомъ; онъ все-таки значительно выше тѣхъ разслабленныхъ, болтливыхъ манекеновъ съ „государственными физіономіями“ которые выводятся въ романѣ въ качествѣ вершителей судебъ оффиціальнаго міра.

Женщины, въ изображеніи князя В. Мещерскаго, вообще умнѣе и лучше мужчинъ и часто высказываютъ имъ въ глаза убійственныя замѣчанія: „вы, то-есть всѣ ваши,—говоритъ княжна, невѣста героя,—вы служите никому другому, какъ самому себѣ; вы защитники того, что вамъ выгодно; и еслибы завтра безпорядокъ обратился въ порядокъ вещей, я пари держу, что бо́льшая часть изъ вашихъ принялась бы быть шампіонами этого новаго порядка.

Я васъ знаю... Съ дѣтства я насматриваюсь на вашъ мірокъ; мой отецъ былъ изъ вашихъ, и мой дядя тоже. Другія дѣти играли въ куклы, а мои куклы были тѣ люди, которые вокругъ моего отца разыгрывали комедію государственныхъ людей. Вообразите, я, дитя, понимала, до какой степени они были нули, эти переполненныя и надутыя собою личности"...

„Если что-нибудь у насъ, — говоритъ другая дама, графиня, — еще сохранило хоть сколько-нибудь здраваго смысла, ума, нравственности и честности, такъ это женщины. Вы, господа мужчины, простите мнѣ мою откровенность, вы прогнили до мозга костей, и чѣмъ больше вы гніете, чѣмъ вы неспособнѣе, чѣмъ вы бездарнѣе и пошлѣе, тѣмъ вы заносчивѣе, тщеславнѣе, самоувѣреннѣе и надменнѣе".

Въ романѣ князя В. Мещерскаго ясно проводится и подтверждается рядомъ живыхъ картинъ та основная мысль, что обычныя охранительныя формулы самодержавія служатъ удобнѣйшимъ, общедоступнымъ орудіемъ личнаго возвышенія и даютъ просторъ всевозможнымъ корыстнымъ, мелочнымъ и низменнымъ побужденіямъ; этими формулами чаще всего завладѣваютъ

пустѣйшіе люди и примѣняютъ ихъ во вредъ государству и народу, такъ какъ, по справедливому мнѣнію автора, для усвоенія и примѣненія голыхъ принциповъ благонадежности въ духѣ графа Обезьянинова— не требуется ни знанія, ни способности, ни честности. Вражда къ представителямъ земства и общественнаго мнѣнія объясняется въ романѣ не только потребностью „всемогущества" Маклаковыхъ и Перепентьевыхъ, но и органическимъ непониманіемъ того, что люди могутъ отдаваться работѣ на общую пользу, не имѣя въ виду матеріальныхъ выгодъ и не преслѣдуя какихъ-нибудь скрытыхъ цѣлей.

Такимъ образомъ, по компетентному свидѣтельству князя В. П. Мещерскаго, самодержавный дворянско-бюрократическій режимъ „прогнилъ насквозь до мозга костей" еще въ періодъ своего несокрушимаго господства, и исключительное государственное призваніе высшаго сословія, выставляемое въ видѣ завѣтной самобытной идеи русскаго консерватизма, оказывается лишь обманчивымъ и зловреднымъ миражемъ — „великою ложью нашего времени"